

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

ЗОНА-2 ЗАРАЖЕНИЯ

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Александр Афанасьев

Зона заражения-2

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Афанасьев А. Н.

Зона заражения-2 / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2016 — (Враг у
ворот. Фантастика ближнего боя)

2037 год. Влад Волков, в прошлом – русский спецназовец, затем – специалист по безопасности, стал одной из ключевых фигур войны против Халифата. Террористический спрут, подмявший под себя весь исламский мир, уже давно вырвался за его пределы и сумел протянуть свои щупальца даже в Центральную Америку. И даже кажущийся надежным Периметр, ограждающий цивилизованный мир от мракобесных орд, не способен удержать кровожадных монстров. В Лондоне убивают жену Влада, но это не сломило его. Мечь врагам будет страшной...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Афанасьев А. Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Панама. Третья дорога. 21 июня 2037 года	6
Панама. Аэропорт Токумен. 22 июня 2037 года	16
Оперативный центр. Ташкент. 08 июля 2037 года	25
Территория Халифата. Ночь на 09 июля 2037 года	32
Лондон, Англия. 14 июля 2037 года	41
Лондон, Англия. 17 июля 2037 года	47
Уэльс. 17 июля 2037 года	53
Северный Уэльс. Регион Сноудон. 18 июля 2037 года	63
Северный Уэльс. Гвинедд, недалеко от Долгелло. 19 июля 2037 года	67
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александр Афанасьев

Зона заражения-2

© Афанасьев А., 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Хочешь ли ты изменить этот мир,
Сможешь ли ты принять как есть,
Встать и выйти из ряда вон,
Сесть на электрический стул или трон?
Снова за окнами белый день,
День вызывает меня на бой.
Я чувствую, закрывая глаза, —
Весь мир идет на меня войной.*

Виктор Цой

Панама. Третья дорога. 21 июня 2037 года

В Панаме большим спросом пользуются внедорожники только одной марки, «Тойота Ланд Крузер», поэтому именно такой автомобиль они и выбрали. Обычного для этих мест белого цвета – в Панаме очень жарко, с внедорожной подготовкой и локальным бронированием. Автомобиль был местным, прокатным – и Ликвидатор платил за него три тысячи швейцарских франков в день. Что, по его мнению, было совсем недорого.

Сейчас – они ехали по шоссе между городами Панама-Сити и Колон, соединяющему тихоокеанское и атлантическое побережье Панамы. Медиа в машине было настроено на «Радио Рохос», дающее последние новости...

... вот уже второй день продолжаются ожесточенные бои между колумбийскими и венесуэльскими правительственными войсками по всей линии фронта. Сведения поступают противоречивые, но, по данным наблюдателей ОАГ¹, колумбийским правительственным войскам удалось сокрушить оборону противника в пограничных штатах Мерида и Сулиа, дальнейшее продвижение колумбийских правительственных сил затруднено в связи со сложным рельефом местности, непрекращающимися атаками венесуэльского спецназа и отрядов ФИС². По заявлениям спикера министерства обороны Колумбии Алехандро Дельгадо, колумбийским командос уничтожено три лагеря подготовки боевиков в штате Мерида, получены неопровержимые доказательства связи ФИС с организациями Глобальный джихад Салафи и Аль-Каида. Напомним, что основанием для срыва режима прекращения огня и возобновления боевых действий является убийство президента Колумбии Анастасио Сантоса во время посещения им Медельина. Ответственность за террористический акт с использованием смертника взяло на себя Движение Исламского освобождения Колумбии.

Исламский экстрим в полной его красе.

Экстрим на континенте, где ислама не было никогда, начался много лет назад... еще до того, как сумасбродный и упрямый президент Венесуэлы Уго Чавес пригласил в свою страну несколько десятков тысяч джихадистов с Востока – как борцов с американским империализмом. Джихадисты прибыли, получили документы и начали проповедовать – теперь из сорока миллионов населения Венесуэлы как минимум десять миллионов были мусульманами разной степени радикальности. Но в Венесуэле наиболее мощной группировкой была Хезбалла, и потому в стране преобладал агрессивный шиизм.

Но еще до этого, в начале восьмидесятых, двести семей мусульман из раздираемого гражданской войной Ливана выехали в Латинскую Америку, они поселились в месте, называемом Tri Border Area – свободной экономической зоне на стыке границ Бразилии, Аргентины и Парагвая. Оттуда ваххабизм начал распространяться на весь регион, причем особое распространение он получил в Бразилии, в трущобах. Бразильское общество было больно, оно состояло из двух половинок, одна из которых была благополучной, а другая – нет, другая жила в трущобах. Правительство, состоявшее из бывших леваков, коммунистов, добилось больших успехов в том, чтобы интегрировать трущобы в нормальную жизнь страны – но потом процесс был сорван. Причиной срыва послужили два обстоятельства: во-первых, в Бразилии нашли нефть, большие залежи нефти на глубине, и нефтяной бум, пусть и короткий, резко повысил благосостояние одной из частей общества и восстановил разрыв между ней и другой частью, только уже на более высоком уровне. Второе – в бразильском обществе никогда не было культа жестокости, никогда не было религиозного фанатизма и проповеди жестокости, в стране, несмотря на период военной диктатуры, никогда не было предпосылок к гражданской

¹ Организация американских государств, очень влиятельная на тот момент.

² Фронт Исламского спасения.

войне. Ислам же, проникший в трущобы, давал людям ясный ответ на вопрос, что делать, если их что-то не устраивает: идите и убивайте.

Начали убивать.

В Мексику радикальный ислам проник довольно поздно – еще в начале нулевых, на всю Мексику была только одна мечеть, и в ней молились в основном мусульмане из посольств, находящихся в Мексике. Потом начался процесс распространения ислама через благотворительные организации, такие как Аль-Васатыйя и Таблиги Джамаат. Тем, кто знал, как все это бывает, происходящее было понятно: радикальные исламисты с Ближнего Востока не имели ударных авианосцев и межконтинентальных баллистических ракет для того, чтобы атаковать континентальные США, но они решили создать армию джихада на земле, в Мексике и других странах Латинской Америки, чтобы потом напасть³. Наиболее восприимчивыми к исламу оказались индейцы всех стран Латинской Америки, они переходили в ислам, потому что ислам был религией борьбы. Спецификой мексиканского ислама было то, что на каком-то этапе в ислам стали переходить жители американского приграничья, мест, где наиболее активны мексиканские наркокартели. Ислам для жителей таких городков, как Хуарес, стал последним убежищем от бандитского произвола на улицах. Исламская умма, с ее сплоченностью, с жуткой тенью террора, со смертниками, с фанатизмом, оказалась единственным, что могло противостоять организованному наркогруппировкам и их культуре Санта-Муэрте – смерти, извращенному варианту католицизма, некоей смеси католицизма и верований индейских племен с дикими пытками и расчленением. В свою очередь, мексиканские и колумбийские наркобароны увидели в исламе угрозу и начали с дикой жестокостью уничтожать мусульман, тем более что через исламские уммы в этих странах на континент и далее на север, в США, потек афганский героин. В США со времен вьетнамской войны не было массового потребления героина, его заменял латиноамериканский кокаин и местный, изготавливаемый на подпольных фабриках в глубинке США метамфетамин. Афганские же наркобароны были заинтересованы в выходе на самый богатый наркорынок мира, точно так же, как Талибан и Аль-Каида были заинтересованы в дальнейшей радикализации Мексики и прилегающих стран, а потому направляли в Мексику и проповедников и инструкторов – опытных боевиков с опытом террористических действий и партизанской войны. Уммы постепенно превращались в новые картели. По динамике потребления и соотношению потребления кокаина и героина можно было наблюдать эту эпическую битву, а после падения США и начала второй гражданской войны ситуация окончательно вышла из-под контроля и перешла к открытым столкновениям во всем регионе. Мрачная гримаса судьбы – только безумная жестокость наркобаронов и фанатизм культа Санта-Муэрте спасали США от окончательного крушения. Если бы подготовленные отряды боевиков-ваххабитов ворвались в США с юга и соединились с уголовными бандами, давно принявшими самую популярную в тюрьмах США религию (догадайтесь, какую?), вот тогда был бы полный мрак...

Таким образом, ваххабитам наполовину удался их план – перенести джихад на территорию врага. Им удалось заразить радикальным исламом места, где раньше и об обычном-то исламе слухом не слыхивали. Но в попытке продвинуть его на север они столкнулись с сопротивлением не таких религиозных, но еще более жестоких и безжалостных отморожков, и вместо освободительного похода была теперь кровавая каша, медленно перемалывающая силы обеих сторон. Со взрывами, смертниками, заминированными машинами, отрезанными головами, разрубленными, заживо сожженными, с нечеловеческой жестокостью изуверченными людьми...

Последние полгода Ликвидатор провел здесь, в Латинской Америке, перемещаясь между Венесуэлой, Колумбией, Мексикой, Никарагуа, Парагваем, Бразилией. Европа стала для него слишком опасна, он заподозрил, что его последняя цель догадалась о его присутствии и теперь можно в любую минуту ждать ответного удара. Это не было бы проблемой, если бы против

³ Информация о переходе мексиканцев в ислам соответствует действительности.

него было государство или обычный человек, но против него был опытный оперативник и лидер наемников, он играл без правил и мог просто выследить и расправиться с ним, используя навыки и подготовленных людей. Он не хотел этого и, получив гонорар и надежно вложив его, отбыл за океан, где присоединился к джихаду. Выдавая себя то за индейца, то за мексиканца, то еще за кого, он то работал кем-то вроде военного советника во все новых и новых джамаатах, встающих на джихад, то выполнял обычную для себя работу исполнителя, специализируясь на дорогих и опасных заказах. По его данным идентифицировать его не удалось до сих пор ни мафии, ни государствам региона, где они еще были... Впрочем, после того как рухнула Америка, государств-то как раз можно было и не опасаться. Опасаться надо было наркобаронов – те сделали бы с ним el guiso. Двухсотлитровая бочка из-под солярки, несколько дырок, проделанных ножом, и немного солярки. Горишь в такой бочке медленно, а когда прогорает – ниже пояса не остается ничего. Вообще.

В Панаму Ликвидатор приехал несколько дней назад, чтобы освоиться. Панама – самая китаизированная страна региона, в свое время китайцев сюда завозили для строительства Панамского канала, потом они остались и пережились с местными, создав самые причудливые смеси кровей. Ликвидатор – с его идеальным английским и интернациональной внешностью – никак не походил на чистого китайца – по прибытии в аэропорт он канул в толпу, как старый сом в мертвую гладь стилого болотного озера.

У него здесь был заказ. Но для того чтобы его исполнить, нужно было оружие.

Его поставщик, проверенный, его подвел. Из-за этого ему пришлось потратить время на то, чтобы найти нового поставщика, а потом – еще время, чтобы договориться о встрече. Это было опасно – но времени у него не было. Совсем.

Здесь...

Он хлопнул напарника по плечу – и тот, не говоря ни слова, притормозил, чтобы Ликвидатор мог выйти. Они понимали друг друга без слов.

Это был торговый центр. Обычное дело, конечно, не такой огромный и шикарный, как молы в Америке, но для страны в Латинской Америке очень даже неплохо. Панама долгое время была под властью США, потому в стране еще остались зачатки цивилизации.

Он шагал по бетону, по сорванным крайним ураганом и гниющим на земле листьям – неприметный господин средних лет, загорелое, без особых примет лицо, чуть узкие глаза – типичный местизос – метис, как их тут называют.

Машину он тоже заметил быстро: огромный трехосный «Мак» защитного цвета. Они поставлялись в армии некоторых стран и сейчас разошлись по рукам. По его данным, поставщик в свое время был не последним человеком в колумбийской армии и имел доступ к запасам спецоборудования и оружия, поставлявшегося американцами для борьбы с наркотиками и наркотеррористами.

Он пошел к машине, но на полпути его перехватили. Трое вышли из джипа «Гранд Вагнер» – типичные «пистолерос». Коротконогие, средних лет, бесстрастные лица, автоматы на груди. Автоматы чилийские – местные версии «Галиль АСЕ». Он знал, что «Галиль» производила еще и Колумбия, но там не было модификаций под пистолетные патроны.

А эти были именно такими.

– Буэнос диас, – вежливо поздоровался Ликвидатор.

Пистолерос быстро сместились, один перекрыл отход к торговому центру.

– Нам надо обыскать вас, сеньор.

Как и все латиноамериканские мафиози, эти были вежливыми до тошноты. Это было составляющей частью мачизма, примерно то же самое, что «крутость» в России. Не понимая мачизма – нельзя было понять Латинскую Америку.

– Кто вы такие?

– Вы ищете сеньора Рохаса?

– Может быть.

Пистолерос указал на «Мак».

– Сеньор Рохас в той машине. Мы проводим вас. Но сначала мы должны обыскать вас. Ликвидатор поднял руки. Один из боевиков обыскал его, не забыв провести вокруг него и детектором жучков. Отступил.

– Нада. Ничего.

Старший среди охранников иронически посмотрел на Ликвидатора.

– Панама опасное место, сеньор. Мы можем продать вам пистолет, совсем недорого.

Ликвидатор молчал – и впервые за много лет охранник почувствовал себя не в своей тарелке. Он отступил в сторону:

– Сюда, сеньор.

Сеньор Рохас – осторожный, маленький, с потными руками – ждал его в кузове «Мака». Часть кузова была заставлена различными ящиками и кейсами, часть была пуста – там стояли стол, два стула, небольшой столик с ноутбуком на нем. Офис на колесах.

Оружия у Рохаса не было – ни на поясе, ни рядом. Осторожный тип. Обычно именно оружие охраны играет роковую роль в удавшихся покушениях.

– Если вам нечего мне предложить, – сказал Ликвидатор, прерывая затянувшееся молчание, – то я сейчас встану и уйду. И больше не вернусь.

– Сеньор, – сказал Рохас, – вопрос лишь в толщине вашего кошелька. У нас есть все.

– Все не может быть ни у кого.

– У нас есть. Например, хотите «Рэд Эрроу 12»? Портативная противотанковая ракетная установка, выстрелил – забыл. Китайская копия «Джавелина», только вдвое дешевле. Можно сбить легкий вертолет или зависший...

Ликвидатор никак не клюнул на неуклюжую попытку проверить, китаец ли он и знает ли китайское оружие.

– Есть взрывчатка. Жидкая, гель...

...

– Есть обычные противотанковые системы. Есть и такие, которые подбивают «Абрамс».

...

– Сеньор, если бы вы обрисовали поточнее ваши предпочтения...

– Снайперские винтовки.

– Какие именно, сеньор? Легкие? Тяжелые? С управляемым боеприпасом? Противоматериальные?

– Достаточно обычного «Барретта».

– Сеньор, есть «РейнджМастер» и «Форе». «Форе» – австрийская винтовка, очень качественная.

– «Барретта» достаточно. Модель сто семь а один. К нему – ТРАП, система дистанционного управления.

– Есть, сеньор, и то, и другое.

Рохас быстро делал заметки в планшете.

– В наличии? Если нет, то не нужно.

– Нет, в наличии. Это довольно распространенное оборудование.

«Барретт» пятидесятого калибра действительно был очень распространенным оружием в Латинской Америке, в мексиканской и колумбийской полиции целые подразделения были вооружены трофейными винтовками. Высокая цена на винтовку наркобаронов с их сверхдоходами не смущала, а пуля пятидесятого калибра пробивала любой бронежилет и большинство полицейских и легких армейских броневинов.

Ликвидатор знал, что заказывал.

- К нему боеприпасы. Э-макс, семьсот пятьдесят грейн, отборные.
- Много, сеньор?
- Двадцати хватит.

Рохас был доволен, хотя и не показывал вида – есть. Всего двадцать патронов – явный признак готовящегося покушения. Десять – на опробование и пристрелку, остальные десять...

- Еще что-то?
- Обычный набор снайпера. Кестраль⁴, баллистический калькулятор...
- У нас есть готовые наборы на такой случай, сеньор. Еще что-то?
- Пулемет.
- Какой? Есть «M240», есть «M249», есть «Негев», есть русские и сербские пулеметы,

среднего и малого калибра.

- Сербский. Средний калибр. Пять лент по сто к нему.
- Прекрасно, сеньор. Еще что-то?
- Снаряжение. Гранаты.
- Снаряжение какое предпочитаете?
- Американское... мне без разницы.
- Прекрасно. Снаряжение на одного?
- Да.
- Еще что-то?
- Нет. Посчитайте.

Рохас быстро прикинул.

– С вас один миллион двести тысяч долларов, сеньор. Деньги дешевают... ужас. Ни на что нельзя положиться!..

Ликвидатор достал из кармана пачку швейцарских франков, наличные. Лучшая валюта на земле на сегодняшний день.

- Это не дешевет, не так ли...
- Несомненно, сеньор. Куда вам доставить и когда?

Ликвидатор протянул небольшую карточку, похожую на визитную, но на ней не было ни имени, ни адреса. Просто несколько цифр.

- Что это, сеньор?
- Координаты. Оставьте там машину. Обычный вэн, непримечательный. Я пришлю кого-то забрать...

- Когда это надо сделать?
- Завтра, до обеда.

«Прекрасно, – подумал Рохас, – еще одно подтверждение».

- Договорились, сеньор.
- Я надеюсь, – нейтральным тоном сказал Ликвидатор.

Когда Ликвидатор покинул «Мак», Рохас машинально повертел карточку в руках – и чуть не выронил ее. На обратной стороне медленно проявлялись буквы и цифры.

Это был его настоящий адрес в Боготе.

Рохас достал смятый конверт и сунул в нее карточку, обращаясь с ней так же осторожно, как с гранатой. Затем достал спутниковый, набрал номер, который помнил наизусть.

– Аллю.

На другом конце провода был генерал Владимир Сальварес, координатор специальных операций Колумбии в звании двухзвездного генерала. Он был самым опасным человеком в колумбийских спецслужбах.

⁴ Карманный метеокомпьютер.

– Это... Папагайо, сеньор, – сказал Рохас, назвав свою кличку.
– Ты вышел на контакт?

...

– Какого черта ты молчишь?

Рохас подумал про свой дом. Пятая зона⁵, тишина и чистота. Мария собирает детей в школу... католическую школу Сан-Мартин. Они поедут на машине... он купил Марии подержанный, но бронированный «БМВ» из Европы. Но от мести радикальных исламистов не спасет ничего – ни бронированная машина, ни полиция.

– Ничего.

– Что?!

– Ничего, сеньор. Он сделал покупки.

– Что именно он купил?

– «Барретт». Пулемет. Систему дистанционного управления.

Генерал довольно хмыкнул.

– Снайперский вариант.

– Да, сеньор.

– Ты заснял его?

...

– Прием... – настойчиво повторил генерал.

Надо было принимать решение.

– Нет, сеньор. Не удалось.

Генерал помолчал.

– Это плохо. Очень плохо...

...

– Хорошо. Возьмем его на точке передачи. Подготовь груз.

– Да, сеньор...

Так же пешком – теперь это было можно – Ликвидатор шел по обочине шоссе, пока белый внедорожник не остановился рядом с ним. Ликвидатор забрался внутрь, на заднем сиденье лежал не прикрытый ничем карабин «V&T APC300» – их повседневное снаряжение.

– Итак?

– Он звонил.

Ликвидатор подключил наушники, воткнул их в разъем мультимедийного комбайна, прослушал запись. Как он и предполагал, новый поставщик был связан с колумбийскими спецслужбами. Убийство президента стало последней каплей – спецслужбы начали хватать всех, о ком что-то было известно. Среди тех, кто попался, был и Менендес, его обычный поставщик в этом регионе, тоже бывший сотрудник спецслужб, тайно принявший радикальный ислам. Разговор удалось прослушать, направив лазерный луч с дрона на лобовое стекло грузовика.

– Уберем его? – спросил напарник.

Ликвидатор пожал плечами.

– Зачем? Все в воле Аллаха...

Белый внедорожник свернул с дороги на Рио-Педро, затем, другими дорогами, добрался до Национального стадиона и снова свернул. Это были места, где жил средний класс и ниже среднего – застройка далеко от элитного побережья, но она новая совсем, кондоминиумы здесь

⁵ В Боготе весь город и все находящиеся в нем постройки разделены на шесть зон. Первые две (налогов коммуналки не платят вообще) – это откровенные трущобы, третья – примерно как наши хрущевки, четвертая – дома с консьержем, пятая – что-то типа нашей элитки, шестая – виллы и таунхаусы. Пятая и шестая зоны платят не только за себя, но и за первую, и за вторую зоны.

строили уже в двадцать первом веке, когда было понятно, что верить нельзя никому и ничему, собственному правительству в первую очередь, а денег еще было достаточно, и в те времена у среднего класса развитых стран вошло в моду иметь жилье за границей, в теплых странах. У кого не было ума совсем, покупали в таких местах, как Марокко, или Дубай, или даже Судан, в мусульманских странах. В Турции, опять-таки. У кого ума было побольше – покупали в Хорватии или Испании, в Греции. У кого ума совсем было много – в Берлине, в европейских городишках, где было недорого. У кого было много денег – в Лондоне, в Майами на востерфронт или в таких местах, как Панама, про которую русским сообщил еще Вилли Токарев⁶. Никто это не говорил и не обсуждал подсознательно, но готовились бежать. Чувствовали, что ненадолго. Потом кому-то даже повезло. Но очень немногим. А те, кому повезло, становились гражданами мира, отрывались от Родины и жили в таких вот безликих интернациональных комьюнити, как это. В таких местах было очень много самоубийств: судьбу-то не обманешь...

Белый внедорожник свернул с дороги и припарковался на чистенькой, ухоженной внешней гостевой стоянке, сделанной для гостей интернационального кондоминиума, построенного около двадцати лет назад. Здесь было чисто, тихо, прилично и недорого, местность была отнюдь не трущобной, а невысокая цена обуславливалась отсутствием надбавки за востерфронт, за вид на океан и расположение твоего жилья прямо на берегу. Ликвидатор вышел... он совершенно не был похож на тех типов – нищих, бродяг, попрошайек, – которых не следовало пускать на территорию кондоминиума. Оружия у него не было. Поэтому охрана проверила документы и пропустила его. Документы были совершенно чистыми.

Пешком он прошел до нужного ему здания – в кондоминиуме было восемь владений (словом «дом» называть было не принято – не так круто звучит), вызвал лифт, поднялся на третий этаж из двенадцати. В здании, как и везде на территории, тихо, чистенько, спокойно. Есть небольшие потеки на стенах, это связано с чудовищной, близкой к стопроцентной, влажностью и ежедневными дождями, но в конце концов, это была не элитка, да и для страны Латинской Америки все очень и очень неплохо.

Ликвидатор позвонил в дверь. Дверь открылась.

– Аллаху Акбар.

– Мухаммад Расуль Аллах.

Автомат опустился.

Человек, который открыл дверь, был крепким, бритым наголо, лет сорока на вид, хотя могло быть меньше, а могло и больше. Автомат в его руке был бразильским, «Taurus M4»⁷.

– Салям, брат...

– Салям...

Они прошли в комнату, где их ждали еще двое, оба по виду индейцы – местизос, на обоих были рабочие комбинезоны. В углу комнаты лежало на просушке снаряжение аквалангиста: мокрый комбинезон и ребризер⁸. Последний – усовершенствованный – вариант не был доступен на гражданском рынке и использовался специальными службами.

– Салям алейкум, – поздоровались местизос.

– Ва алейкум салям...

– Показывай...

Лысый принес компьютер. Включил изображение – это была запись, сделанная с подводной камеры. Особо ничего не было видно – вода очень мутная, как обычно бывает в гаванях.

⁶ Считается, что песня «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой» написана Вилли Токаревым именно под впечатлением от Панама-Сити.

⁷ Бразильская фирма Taurus к этому моменту давно производила всю линейку моделей «Ar15», как боевых, так и гражданских полуавтоматов. Они пользовались большим спросом во всем мире за счет неплохого качества при приемлемой цене.

⁸ В отличие от обычного акваланга в ребризере выдыхаемый воздух не идет на поверхность пузырьками, а перерабатывается или очищается, это аппарат замкнутого цикла.

Здесь она особенно мутная, потому что течение прибывает к берегу весь мусор, который сбрасывают с кораблей, ждущих проводки через Панамский канал.

Потом показали руки в ярких перчатках, тук...

– Все установил? – спросил Ликвидатор по-русски.

– Хвала Аллаху, все сделано...

Лысый был русским, мало того – он был специалистом высокого уровня, очень ценным, потому что проходил службу в Российском флоте, в команде ПДСС – противодиверсионных сил и средств. Его путь к Аллаху был обычным для русских – драка, тюрьма, тюремный джамаат. В тюрьме он принял радикальный ислам и встал на джихад. Братья помогли бежать, потому что он был очень ценным братом.

– Пришлось потрудиться. Полторы тонны за ночь не установишь...

– Что с детонаторами?

– Тройная система, брат. Беспокоиться не нужно.

– А я все-таки беспокоюсь, – сказал Ликвидатор.

– Достаточно нам Аллаха, он – прекрасный хранитель.

Как и большинство из тех, кто не был обращен в ислам с детства, русский брат отличался набожностью.

– Ладно. Давай запишем обращение.

– Давай. Вы готовы, братья?

Местизос кивнули.

Вместе они принесли большой кусок черной ткани и завесили им стену в комнате. Приглушили свет, но не слишком. Установили на штатив камеру. Русский брат надел на голову маску – он был ценным братом, светить его было нельзя, а местизос остались без масок, просто надели военную форму без знаков различия. Одного автомата в кадре было, конечно, мало, но учитывая то, что они завтра совершат при благоволении Аллаха, это не будет иметь никакого значения.

Сам Ликвидатор встал за камеру – он не собирался светиться в кадре даже с маской и даже молча...

– Подожди.

Ликвидатор отошел от камеры, перетащил ребрисер так, чтобы его было видно в кадре, затем снова встал за камеру.

– Так будет лучше, инша'Аллах, – объяснил он, – готовы?

– Да.

Ликвидатор резко отмахнул рукой – и включил камеру.

Во имя Аллаха милостивого и милосердного, Господа всех миров. Мир и благословение посланнику Аллаха Мухаммаду, мир ему и благословение, его семье и его сподвижникам. Кого направил Аллах, того никто не собьет, а кого Аллах собьет, того никто не направит. Свидетельствую, что нет бога, кроме Единого Аллаха, у Которого нет соотаварища ни в божественности, ни в господстве, ни в прекрасных именах, качествах и атрибутах. Свидетельствую, что Мухаммад – раб Аллаха и посланник Его ко всем людям.

Старший из местизос монотонно читал текст, возникающий перед ним в воздухе из имажора, – с камеры это было не видно. Собственно, только для этого они и были нужны, да еще у них был легальный бизнес и удобная, вместительная, но в то же время не грузовая машина, примелькавшаяся полиции и имевшая все пропуска...

Мы, моджахеды фронта Исламского спасения имени Салема Адия, приветствуем истиихадию нашего брата в Медельне, отправившую в ад известного тирана, президента Сантоса, да воздаст ему Аллах по заслугам, альхамдулиллях. Мы просим Аллаха Всевышнего

принять нашего брата, совершившего амалиятуль истиихадию⁹ в числе шахидов, и ввести его в высшее общество, и избавить от ужаса Судного дня.

Мы также обращаемся ко всем тиранам и муртадам, ко всем, у кого на руках кровь мусульман, чтобы сказать им – инишалла, настанет и ваш черед. Каждый из тех, кто препятствует мусульманам, кто убивает и мучает мусульман, будет убит и проследует в ад, где получит заслуженное. Каждый из тех, кто помогает тиранам любым способом, также получит заслуженное, кем бы он ни был, инишалла, ибо сказано в Коране: «Да сгинут собравшиеся у рва огненного, поддерживаемого растопкой». Вот они уселись возле него, будучи свидетелями того, что творят с верующими. Они мстили им только за то, что те уверовали в Аллаха Могущественного, Достохвального, которому принадлежит власть над небесами и землей. Аллах – Свидетель всякой вещи! Тем, которые подвергли искушению верующих мужчин и женщин и не рассказали, уготованы мучения в Геенне, мучения от обжигающего Огня.

Мы знаем о том, что в нашем городе собираются главные из муртадов, чтобы договориться о новых убийствах мусульман, о новых притеснениях верующих. Да покарает их Аллах, они пытаются своими грязными ртами погасить огонь истинной веры, но волей Аллаха пожирают в свои животы огонь. Мы свидетельствуем, что будем сражаться на пути Аллаха, инишалла, как истинные моджахеды и будем молить Аллаха о шахаде для каждого из нас и о встрече в высших пределах рая. Никакие усилия тиранов не собьют нас с пути, инишалла, по которому мы будем идти, пока на то будет воля Аллаха. Направляемые волей шайтана, вы думаете, что убийствами, пытками и казнями вы устрашите нас и отвертите от веры – но планы шайтана ущербны, ваши усилия тщетны. Религию Аллаха невозможно остановить.

Наши амалият – наше предупреждение тиранам: до тех пор, пока вы будете препятствовать мусульманам в поклонении Единому Аллаху, у которого нет со товарища, до тех пор, пока вы будете убивать и мучить мусульман, мы не остановимся, мы продолжим убивать, инишалла. Мы будем убивать снова и снова, пока не уьем последнего из тиранов и совершено таухида не воцарится над нашей истерзанной, проданной кяфирам землей. Волей Аллаха мы знаем о каждом вашем шаге, обо всех кознях, которые вы умышляете против верующих, мы знаем, где живете вы и ваши семьи. Инишалла, каждый из вас получит по заслугам.

Ваш единственный путь к спасению – отречься от того зульма, что вы творите, и покаяться, и припасть к истинной вере – и все ваши грехи, которые вы совершили по джахилии, будут вам прощены без счета. В противном случае – вас самих, ваши семьи ждет огонь, и никто не в силах это предотвратить, ибо вся сила принадлежит одному лишь Аллаху.

Мы также приветствуем всех братьев, здесь и в других местах, и говорим им – держитесь мужественно и стойко, укрепляйтесь в своей вере и вставайте на джихад, чтобы изгнать мучающих вас тиранов и жить в достойном обществе. Помните, что сказано было про тех правоверных, про женщин с детьми, которым уготовали огонь только за то, что они уверовали в Аллаха и отказались поклоняться идолам. Волей Аллаха малолетний ребенок, не умеющий говорить, сказал своей матери: крепись в своей вере, после этого огня другого уже не будет. И все те, кого бросили в тот ров, стали шахидами, инишалла и получили обещанную награду.

Мы довели до вас! Кто будет препятствовать мусульманам – тому смерть. Кто будет мучить и убивать мусульман – смерть ему и всей его семье. То, что произошло, является волей Аллаха и последним предупреждением всем тиранам: отступитесь, иначе огонь пожрет вас всех без разбора.

И в заключение – Хвала Аллаху, Господу Миров. Аллаху Акбар. Аллаху Акбар!

Ликвидатор выключил камеру.

⁹ Теракт с использованием смертника.

– Как? – спросил один из местизос. Несмотря на то что в исламе нет национальностей, он все еще испытывал некое почтение к белому человеку.

– Хвала Аллаху, хорошо. Второй раз не нужно.

– Хвала Аллаху.

– Соберитесь, поехали... Убирайте все.

Они быстро собрались. Квартира была съемной, снята по безналу на два месяца. У местизос был американский вэн, очень вместительный и удобный, на борту была надпись – реклама клининговой компании. Очень удобно, потому что чистильщики, уборщики нужны везде и на их прибытие и отъезд никто не обращает внимание – убралась и дальше поехали. В предыдущие дни эта машина сильно понадобилась – для того чтобы перевезти к побережью полторы тонны взрывчатки и спецоборудование.

У подводника был такой же «Ланд Крузер», только постарше.

Они вышли поодиночке, сели в свои машины и тронулись. Путь их лежал в яхт-клуб с красноречивым названием «Эль-Дьябло».

Ликвидатор и его напарник догнали «Ланд Крузер» подводника, посигналили ему остановиться. Они остановились у какой-то забегаловки, Ликвидатор вручил подводнику пакет.

– Там новые документы. Деньги. Перебирайся в Никарагуа, там знаешь к кому обратиться. Да хранит тебя Аллах.

– Но я думал...

– Тебе нельзя здесь оставаться, брат. Ты очень важен для уммы.

– Храни тебя Аллах, брат...

– Храни тебя Аллах и всю нашу общину до Судного дня. Аллаху Акбар.

– Аллаху Акбар.

Ликвидатор пересел обратно в свою машину.

– Поехали...

Панама. Аэропорт Токумен. 22 июня 2037 года

Генерал Владимир Сальварес с группой особо доверенных офицеров и подразделением спецназа прибыл в Токумен еще затемно.

Вместе со своей группой он перемещался по континенту на транспортнике «Embraer-390», черного цвета, хорошо известном во многих столицах – черный цвет был потому, что в свое время этот самолет был передан anti-narcoticos, антинаркотическим специальным силам, которые сражались не столько с торговцами наркотиками, сколько с прикрывавшими их боевиками коммунистических фронтов, после падения коммунизма быстро переквалифицировавшихся в наркотические фронты. В отличие от большинства своих коллег генерал Сальварес не был сбит с ног падением США, он готов был действовать и действовал. Возможно, свою роль сыграло то, что он учился не в военных учебных заведениях США – а в Новосибирске, в России, где прошел полный курс подготовки спецназа и познакомился с теорией и практикой организации действий внутренних войск в России. В США подразделения, аналогичного Внутренним войскам, не было, не было и механизмов их задействования – во многом, по мнению генерала, это и явилось причиной того, что произошло. Русская практика разделения армии на обычные войска, предназначенные для отражения внешней агрессии, и внутренние, для действий внутри страны, была стратегически верной.

Генерал Владимир Сальварес сделал немало для укрепления внутренней безопасности страны – именно его усилиями была многократно усилена военная составляющая сил безопасности. Поэтому в Колумбии было до сих пор государство, в то время как в других местах его уже не было. Но он видел ситуацию намного шире, в том ключе, что устоявшая Колумбия может помочь и соседям устоять. А потом – в отсутствие США – можно будет вести и разговор о боливарианской конфедерации или даже федерации – мечте Симона Боливара, которую он так и не смог воплотить в жизнь.

Генерал, с его политическими взглядами, резко отличался от всех своих коллег, закончивших американские военные академии, потому что на его мировоззрение повлияло долгое пребывание в России. Он был сторонником сильной и унитарной «державной» власти. Противником демократии. Противником национализма, поддержания и культивирования национальных особенностей – он видел на практике, как мирно сосуществуют в одном государстве люди с разным этническим происхождением, религией и культурой. Генерал не считал, что национальное правительство, правительство одной нации, есть то, что нужно его народу и окружающим. Наоборот, он считал, что только сильное и многонациональное государство, только взгляд поверх границ способны дать возможность многочисленным нациям и народам вырваться из заколдованного круга нищеты, неустроенности, гордыни и спеси. Общее государство – и чем больше, тем лучше – поможет и решить накопившиеся проблемы, и снять те idiotские противоречия, которые есть у них с Венесуэлой, когда племена разделены границей, и на равных разговаривать с Китаем, готовым скупать все и вся, с Россией, с США, если те возродятся. Нельзя думать, что если у тебя есть свое государство, то ты великий. Они никогда не разговаривали ни с кем на равных, и униженность их сформировала почву для озлобления, прорывающегося сейчас наружу. Когда они говорили с Америкой – американцы тщательно подчеркивали, что они имеют дело с ними как с равными, но всем было понятно, что это не так...

И будет не так, пока они не изменят это. Пока они не начнут быть, а не воображать о себе невесть что. Взять хотя бы Каррера Панамерикана – панамериканское шоссе, пересекающее два континента сверху донизу, за исключением одного отрезка через джунгли протяженностью в семьдесят километров. Этот отрезок остается недостроенным вот уже сотню лет – кто мешает его достроить?! Кто?!

И кто они такие, если не могут достроить семьдесят километров дороги?

Парадокс и трагизм ситуации заключался в том, что исламские экстремисты, в которых генерал видел главную теперь угрозу (не в наркотиках), тоже хотели единого государства. Единого, в которое будет входить весь мир.

Самолет генерала отвели на военную стоянку – там его уже ждали. Пара десятков машин, в основном бронированных, среди них была даже такая странная, как бронированный подъемник на шасси легкого грузовика, с бронированной кабиной и легким пулеметом. Среди приехавших встречать был Альдо Кордобес, министр внутренних дел страны, человек, чьи взгляды были схожи со взглядами генерала. Они обнялись и отошли в сторону.

– Мои соболезнования.

– Спасибо.

Оба были католиками. Оба перекрестились.

– Кто будет теперь?

– Пока, Мартин. Потом...

Они понимали друг друга без слов. Сантос, сам бывший боевик, разочаровавшийся в революции, после того как понял, что из революционных соображений надо торговать наркотиками и охранять наркоплантации, – сам был визионером и мечтателем. Конечно, каждый политик в Латинской Америке мечтает примерить корону Симона Боливара. Другой вопрос – ради чего. Некоторые были не более чем конъюнктурщиками. Некоторые действительно хотели что-то сделать для своих народов. Сантос был из вторых.

– Как это произошло?

Генерал вытер платком лицо.

– Как обычно. Мы не готовы к этому.

– Да...

Один вопрос, мучивший всех, – как бороться с врагом, который любит смерть больше, чем ты любишь жизнь. Как наказать человека, для которого смертная казнь – пропуск в рай?

– Что с моей информацией?

– Работаем. Пока движений нет.

– Я могу посмотреть?

– Конечно.

Вместе они зашли в огромный грузовик Ошкош, сделанный на базе шасси, которые использовались для пожарных машин. Но теперь на этом шасси был построен центр для управления беспилотниками...

Приглушенно светились экраны...

Спецназ в Панаме был хорошо подготовленным. Их учили американцы, причем в лучших учебных заведениях, частных и правительственных. Потом они учились у колумбийцев – самой жестокой и нетерпимой нации во всем регионе...

Небольшой фургон «Форд» белого цвета остановился около складов, вплотную примыкающих к железнодорожной ветке. Но открылся не люк на борту – а люк на крыше фургона, и оттуда выбрались трое в черной боевой униформе SWAT. Двое несли снайперские винтовки «Barrett», еще один – устаревший, но надежный пулемет «M240 Bravo». Как и во всех латиноамериканских странах, где бандиты хорошо вооружены и всегда оказывают полиции сопротивление, – снайперская группа состояла из трех стрелков и всегда включала в себя пулемет. Он будет нужен тогда, когда бандиты пойдут на прорыв.

Стрелки разложили лестницу и моментально забрались на высокую крышу склада. Пригибаясь, они добежали до противоположного края крыши, где и залегли, распределив секторы огня.

Тем временем штурмовая группа из тридцати человек, вооруженная автоматическими винтовками, приближалась к цели, стоя в одном из вагонов грузового состава, который медленным ходом шел по путям. Как и в развитых странах, в составе не было машиниста, железная дорога Панамы была полностью переведена на автоматизированный режим, но сейчас пилот в тяговом локомотиве был. Он прятался за моторным отсеком, на раскладной площадке для обслуживания двигателя, и управлял с помощью выносного пульта. Такой режим управления «а тапо» применяли только при сложной маневровой работе на станциях.

Рядом была станция, поэтому террористов не должен был напугать ни шум поезда, ни гудки. Это позволяло спецназу приблизиться на расстояние непосредственного контакта.

– Кондор два, вижу наблюдателя на крыше, – доложил один из снайперов, – сидит на месте, вооружен «АК-47».

– Кондор, здесь Боливар. Наблюдателя уничтожить.

– Боливар, вас понял.

Снайпер прицелился и нажал на спуск. Работа была детской, а с калибром 12,7×99 не надо было беспокоиться о контроле результатов стрельбы или возможном бронежилете на цели. Пятидесятый калибр убивал всех. Мексиканских толстяков под полтора центнера весом. Тех, кто надел армейский бронежилет. Обдолбанных наркотиками. Тех, кто прячется за машиной или кирпичной стенкой. Тех, кто ведет огонь из движущейся машины, – всех. Вот почему полицейский спецназ был вооружен винтовками калибра 12,7, и они не променяли бы их ни на что другое.

В прицеле он увидел, как пуля попала в террориста, и он буквально взорвался изнутри с кровавым фонтаном. Глушитель ААС Суслор скрал часть звука, а остальное смешалось с гулом турбины и стуком колес идущего локомотива. Вряд ли кто-то что-то услышал.

– Кондор два, цель ушла.

– Кондор один, подтверждаю.

– Боливар всем группам – вперед, вперед, вперед...

Поезд пошел еще тише, на насыпь прыгали спецназовцы, перестраиваясь в две штурмовые колонны.

– Наследник один, мы у цели.

– Наследник два, позицию занял.

– Боливар – группе Наследника, входите в здание, входите в здание.

Один из спецназовцев приготовил вспышку-дезинтегратор – склад был один из множества построенных здесь и в основном сейчас пустующих карго-терминалов с дистанционным управлением, он открывался электронным ключом, который программировал владелец склада, возможно даже, находящийся на другом краю света. Схема аренды подобных складов была проста и вовсе не требовала физического присутствия владельца: склад покупался как коммерческая недвижимость, контролировался дистанционно программируемой системой доступа, если кто-то хотел склад арендовать – он сканировал телефоном QR-код на замке и тем самым автоматически по телефону попадал на сайт владельца, где были все условия аренды – долгосрочной, краткосрочной, любой. Ты перечислял платеж, можно со своего телефона – это и было подтверждением подписания договора, ничего подписывать и тем более идти к нотариусу не требовалось. В обмен – система программировала замок на Email-код твоего телефона, и он на время аренды становился твоим кодовым ключом на доступ к складу. Если платеж просрочил, склад блокировался со всем, что там есть, хочешь забрать – плати аренду по сей день и забирай.

О таком ведении бизнеса – лет пятьдесят назад – не могли и мечтать. Тогда почему все так отчаянно плохо?

Вспышка – дезинтегратор – была электронным устройством, которое при активации сжигало электронные микросхемы, но направленно. Спецназовец прикрепил ее к электронному замку.

– Вспышка!

Огонек на корпусе погас – устройство уничтожило и себя самое.

– Входим!

Подрывник отступил в сторону, второй солдат потащил в сторону дверь, третий – начал входить...

– Вошли!

– Боливар, целей нет.

Откуда-то сверху прогремела длинная очередь «АК».

– Контакт! Контакт!

И тут – все взорвалось...

С беспилотника было видно, как большую часть склада вдруг окутало ослепительно яркое, но быстро темнеющее облако. Как мутным стало все вокруг эпицентра. Основной натиск ударной волны приняли на себя хвостовые вагоны остановившегося поезда.

– Подрыв! Подрыв!

– Наследник! Наследник, ответьте! – надрывался Кордобес.

Генерал Сальварес взял его за плечо.

– Пойдем отсюда.

На улице генерал Сальварес, ни слова не говоря, достал флягу, отвинтил колпачок.

– Выпей.

Министр отхлебнул, глаза его полезли из орбит, он едва не выпустил флягу из рук, надсадно закашлялся.

– Эх ты... пить не умеешь.

– Что это?! – просипел министр.

– Водка. Русская водка, настоящая.

В Латинской Америке, за редким исключением, пить крепкое спиртное не умели. Совсем. Испанцы принесли сюда культуру употребления красного вина, но если что и пользовалось успехом – так это легкие и сладкие вина. Потому что в жару – а здесь жара постоянно – алкоголь действует на организм особенно тяжело, а потребности согреться здесь никогда не испытывали.

– Господи... они все мертвы.

– Да, – подтвердил генерал Сальварес, – они все мертвы. Они – и те, кто готовил покушение, тоже мертвы. Они подорвали сами себя. Вместо того чтобы подорвать саммит. Размен честный – и с их, и с нашей стороны.

Министр приходил в себя от глотка водки. Глаза слезились...

– Почему...

– А ты думал – как?

– Не так, камрад. Не так.

Генерал Владимир Сальварес был вынужден согласиться – да, не так. В Латинской Америке спокойно никогда не было и людей убивать здесь умели. И жестоко убивать тоже умели. Частично это было обусловлено наследием индейцев, которые постоянно приносили человеческие жертвы и не видели в этом ничего такого, частично привнесенным испанцами мачизмом, когда люди самоутверждались как мужчины через жестокое и демонстративное убийство. Троцкисты принесли террор, здесь его до этого никогда не было. Но Латинская Америка никогда не знала того, что накатывало сейчас на нее девятым валом. Она не знала хладнокровной

ненависти и нигилизма германского фашизма – типично европейского социального и политического учения, присваивающего себе право физически уничтожать целые народы, хладнокровно расправляясь с лишними. Не было здесь такого. В Латинской Америке, несмотря на вопиющее неравенство, никогда не было понятия «недочеловек». Не знала Латинская Америка и другого – отчаянной злобы и фанатичной ненависти исламского экстремизма. Здесь были религии, предписывающие ритуальные убийства, но никогда не было религий, предписывающих ритуальное самоубийство. Латиноамериканцы слишком любили жизнь, чтобы вот так вот отказаться от нее. А исламисты проповедовали мрачный культ смерти. Уйти, забрав с собой как можно больше врагов. Жизнь человека – это путь к смерти. Подобной мрачной трактовки здесь не было никогда.

А теперь – есть. Теперь – это повсюду.

– Теперь – так. Всегда будет так. Не мы выбираем...

Панама-Сити – крупный город, едва ли не лучшая столица Латинской Америки, расположенная у входа в Панамский канал со стороны Тихого океана. Это центр деловой жизни всей Латинской Америки, один из ведущих центров оффшорного банкинга и клиринга. Городу удалось стать одним из «мировых городов», то есть городом, чье значение для экономики не ограничивается страной или регионом, – к таким городам можно отнести Лондон, Шанхай, Токио, Гонконг. Здесь построено огромное количество коммерческой и инвестиционной недвижимости – то есть недвижимости, которую покупают, чтобы сохранить деньги. Здесь полно машин.

Поскольку для обеспечения нормальной жизни в городе нужна была его транспортная проницаемость, а автострад тут не было никогда – в конце прошлого века выстроили две крупные магистрали, на которых во многом держится движение в городе. Коридор Норте (северный коридор) – это дорога, идущая параллельно Панамскому каналу и выводящая на третье шоссе, ведущее в Сьюдад де Колон – город на побережье Атлантического океана, которому успех Панама-Сити повторить не удалось. Коридор сур – это дорога, ведущая от аэропорта Токумен и прямо в центр Панама-Сити. Она очень удобна тем, что та ее часть, которая идет по городской черте, идет не в городе, не по городской застройке. Строители, вместо того, чтобы что-то сносить или переделывать уже существующую дорогу, или зарываться под землю, как любят это делать в Москве, просто поставили дорогу как мост, на огромных бетонных столбах прямо над океаном. И она была скоростной, скоростной по-настоящему, она ни с чем не пересекалась и вела в самый центр города, никому не мешая. Просто отличное решение, оцененное любым, кто приезжал по делам в Панаму.

Исполняющий обязанности президента Колумбии прибыл в аэропорт Токумен уже на президентском самолете. У него была интересная судьба: этот самолет был когда-то бортом № 1 ВВС США, причем основным. Потом американцы заменили «Боинг-747» на «Аэробус-380» местной, американской сборки, а этот самолет поставили на прикол. Никто не знал, что с ним делать – то ли уничтожить, то ли поставить в музей, то ли переделать в грузовой и продать. Потом, когда Соединенные Штаты начали разрушаться, группа колумбийцев просто угнала его, а затем правительство Колумбии выкупило его как представительский борт.

Исполняющий обязанности президента Колумбии произнес речь, прямо в аэропорту, которую потом оценят очень многие. В ней он, в частности, сказал – сколько бы вы ни убивали, вы не сможете изменить нас.

Потом он сел в машину. Кортёж тронулся.

Генерал Владимир Сальварес остался в аэропорту – ему надо было вылетать в Мексику, он был уверен, что все сделал правильно. Группа террористов обезврежена, пусть даже ценой гибели двадцати с лишним панамских полицейских.

Сначала никто так и не понял, что произошло. Конвой уже выехал на ту часть Корредор Сур, которая находилась над морем, дорога, кстати, не была перекрыта, просто на некото-

ром расстоянии от кортежа двигались местные полицейские машины, расчищая путь. Машины кортежа прошли уже три четверти пути, как вдруг разом вскипела вода под опорами, и глухой гул был таким, как будто пробудился вулкан, а удар почувствовали даже постояльцы прибрежных отелей. Никто ничего не понял, машины не успели затормозить – все просто начало валиться в воду, как кубики замка, построенного ребенком, и тот же ребенок теперь – с чисто детской жестокостью разрушал свое творение.

Более полукилометра дороги рухнуло в воду, и спасения не было.

Исполняющий обязанности президента Колумбии ошибся в одном. Он считал, что обращается к людям, которые встали на неправильный путь, и надеялся на то, что они что-то поймут, но это давно было не так. Радикальные исламисты, многие – во втором, а то и в третьем поколении – давно утратили человеческий разум и превратились в диких зверей. В общем-то им было все равно, изменят они кого-то своими дикими актами террора или нет. Страшная война уничтожила смыслы и цели. Теперь они жгли, взрывали и убивали не ради того, чтобы что-то продемонстрировать и доказать обществу, и даже не ради того, чтобы доказать что-то самим себе, а ради того, чтобы было что рассказать Аллаху, когда тот заберет их к себе, и тем братьям, которые проследовали этим путем до них и теперь наслаждались верхними пределами рая. Террор стал для них частью их бытия, их смыслом существования, их способом попасть в рай после смерти.

И даже смерть не могла остановить их, потому что тот, кто погиб от руки кяфира, – тоже шахид. Каким-то образом на планете Земля выросли люди, которые любят смерть больше, чем другие любят жизнь.

И противопоставить им было нечего.

Сам Ликвидатор тем временем уже был в Коста-Рике. Небольшом, безвредном и беззащитном государстве, в котором не лили кровь, потому что это никому было и не нужно.

Он был в городишке со смешным названием Лимон, на самом побережье, он пересек несуществующую границу и намеревался немного отлежаться до того, как двинется дальше. Он знал, что колумбийские и панамские спецслужбы сейчас бросят все силы на отслеживание любой активности известных и новых игроков, чтобы понять, кто причастен к этому инциденту. В руки колумбийцев он попадать не собирался – те были известны изощренностью своих пыток.

Короче, Аллаху Акбар.

Техника, которую он применил, была проста и хорошо известна. Подставить известную фигуру, затем пожертвовать ею. И потом тихо сделать дело. Это был его фирменный ход, он не раз применял его. Если жертва ждет нападения – подставь кого-то вместо себя и потом сдай. Помогите жертве почувствовать, что она выиграла. И только когда она расслабится – тогда бей.

Так он убил крупнейшего мексиканского наркобарона из живших в то время. Тот знал, что мусульмане приговорили его к смерти за противодействие им. Тот думал, что, если он разбрасывает по улице разрубленные куски ихва, братьев, пришедших убить его, это кого-то останавливает или кого-то испугает. Он даже не понял, как получил пулю, – после поимки джамаата, посланного, чтобы убить его, он расслабился. И он, видимо, искренне думал, что никто не знает адрес того гнездышка, которое он снимал своей молодой любовнице.

Он сильно ошибался.

Ликвидатор заселился на виллу, которая была заказана заранее, он вел себя как турист, ходил по улицам, ел севиче¹⁰, снимал красоток. Его напарник следовал за ним, прикрывая

¹⁰ Сырая рыба, политая лимонной кислотой.

его. Это был еще один уровень его защиты – если на него все-таки выйдут, то подумают, что террорист – его напарник, а не он сам.

Сообщение пришло, когда он сидел на деревянной веранде и ел рыбу, только утром выловленную местными рыбаками. От нечего делать он подключил коммуникатор и полез в банковскую программу, чтобы проверить состояние своего банковского счета.

И, к его удивлению, он обнаружил, что стал на миллион австралийских долларов богаче.

Нахмурившись, он свернул свой обед, расплатился по счету и покинул едальню. У уличного менялы валюты он купил левый мобильник и уже с него проверил свою электронную почту. Там было послание...

Послав ответ, телефон он оставил на скамейке – пусть украдут – и, сев в машину, покинул город. Через некоторое время он уже был в Сан-Хосе, столице страны. Там он нашел интернет-клуб, и, расплатившись сильно обесценившимися, но все еще по инерции принимавшимися во всей Латинской Америке долларами, купил себе час компьютерного времени. Клуб был предназначен для игр по Сети, потому тут были и перегородки, и очки для системы виртуальной реальности. Все это как нельзя лучше подходило для него.

Надев очки, он забрался в Интернет и поплыл по его мутным волнам. То, что ему было нужно, он нашел сразу. Интернет-бордель, один из многих, бесчисленное количество таких было разбросано по всей паутине Интернета. С тех пор как трехмерная реальность стала доступна обычному Интернету, пользователю стали доступны и такие... гм... удовольствия, как интернет-секс. Для него надо было иметь такие вот очки, потом... ну, некоторые изделия, какие и раньше продавали в секс-шопе, только раньше они не подключались к компьютеру. Ты заходил на такой вот сайт-бордель, оплачивал свое пребывание там, потом надевал... ну, то, что было подключено к компьютеру, на то самое место – и получал сеанс виртуального, но сильно похожего на реальный секса. На большинстве сайтов можно было заранее с помощью интернет-конструктора создать образ той девушки, с которой ты бы хотел заняться интернет-сексом: для этого следовало загрузить на сайт фото и видео нужной тебе девушки и подождать, пока программа сама смоделирует нужный образ. Таким образом, можно было «поймать» кого угодно – свою соседку, коллегу по работе, Мэрилин Монро, Анджелину Джоли, негритянку, инопланетянку, таитянку. Причем не надо водить ее в ресторан, в кино, выгуливать, тратить деньги, уговаривать. Достаточно просто загрузить на сайт нужную программу и отмыть компьютерный гаджет от «прошлого раза».

И все.

Существовали программы бесплатные, типа «обмена сексом» для студентов и прочей малоимущей публики, были даже программы, где каждый загружал свой профиль (или то, что он представлял своим профилем), а партнера/партнершу подыскивала программа по методу случайных чисел – но то место, куда он зашел, было платным виртуальным борделем, причем очень дорогим. Надев очки и оплатив доступ, он оказался где-то на берегу моря, песок был белым, небо – голубым, волны – с мягким шелестом накатывались на берег – и он подумал, что вряд ли когда-то сможет увидеть это в реальности, даже если останется жив. Вдалеке была натянута сетка, и в пляжный волейбол играли девицы в откровенных купальниках, он понял, что должен пойти туда и с кем-то познакомиться... обычная схема привлечения клиентов в интернет-борделе, не комната и потасканные бабы в неглиже, от которых тошнит, а тонко разыгранная схема случайной связи на курорте. Он и пошел туда – но не дошел. Потому что появилась она.

– Эй...

Он услышал это, вздрогнул (по-настоящему) и обернулся. В паре метров от него стояла она – и он не знал, как она туда попала. Вообще он никогда не видел своего клиента (или клиентку – та почему-то предпочитала в Сети женские образы), но кое-что его в ней пугало. Даже его.

Сейчас она выбрала образ простой девчонки, чуть рыжеватые волосы и откровенный купальник. В ней не было ничего угрожающего, но почему-то он снова почувствовал себя не в своей тарелке. Например, как она проникла сюда – это вроде как место для мужчин и образы клиентов всегда мужские. Прикинулась лесби? Или...

– Пойдем...

Они отошли за плотные заросли кустов, там как по мановению волшебной палочки на земле появилось широкое одеяло. Она уселась на него, точнее – разлеглась, откровенно предлагая себя. Ликвидатор остался стоять.

– Давай...

Он покачал головой.

– Работа есть работа.

Она улыбнулась одновременно невинно и порочно.

– Ты не хочешь воспользоваться моментом? Давай, я обойдусь тебе бесплатно, не то что одна из тех девиц. Или у тебя уже не стоит? Бедняжка.

– Что там у тебя? Говори, или я отключусь.

– У меня... скорее, у тебя. Есть задание, которое ты не довел до конца.

– Я не довел его до конца, потому что ты так сказала. У тебя семь пятниц на неделе.

Это было и правдой и неправдой одновременно. Он не мог отказаться от задания, взяв деньги. Но в то же время он понимал, что с того выстрела на Эйфелевой башне – охота за русским превратилась из сафари в кровавую схватку, в которой не только жертва, но и охотник рискует своей жизнью. Отмена задания была для него облегчением.

– Мм... все женщины такие. У тебя когда последний раз была женщина?

– Да пошла ты...

– К заданию надо вернуться. Только цели будут две.

– Это еще что за хрень?

– Его женщина. В Лондоне. Ты видел ее. Уберешь ее – потом дождешься, когда он вернется в Лондон. И уберешь его.

– Что за бред. Это кто придумал?

– Я... – она снова улыбнулась.

– План полное дерьмо. Он приедет и будет искать, кто это сделал. Полиция тоже будет искать...

– Лондон такой опасный город... всякое случается.

– Почему его нельзя просто пристрелить?

– Есть две причины. Первая – он постоянно перемещается. То он в Китае, то в Москве, то в Астане, то в Ташкенте, то еще где. Второе – его нельзя просто пристрелить, потому что я хочу другого. И я – плачу деньги.

– Жизнь дороже денег.

– Боишься его?

Она, может, и, сама того не зная, задела больное. Он и в самом деле боялся. Для людей его народа русские всегда были старшими братьями. Они били многих... они били японцев, били даже американцев. Но они никогда не били русских.

– Нет.

– Боишься...

Он вовремя свернул с опасного разговора.

– Сколько?

– А сколько ты хочешь?

– Миллион. Франков.

– Неплохо.

– Миллион за каждую цель.

Она облизала губы.

– Но это одна цель. Вторая – для того, чтобы добраться до главной.

– Нет, леди. Все люди равны. Миллион – умножить на два.

– Хорошо, – сказала она после секундного раздумья. Это тоже его напрягало – женщины обычно не умеют принимать решения. – Два миллиона. Счет тот же?

– Да.

– Когда начнешь?

– Сейчас же. Просто потребуется некоторое время для подготовки.

Вместо ответа она встала. Одеядо тут же испарилось, как будто бы его и не было.

– А зря ты все-таки... – сказала она. И тоже исчезла.

А он какое-то время стоял и тупо смотрел перед собой, понимая, что текут минуты, и за них потом надо будет платить.

Оперативный центр. Ташкент. 08 июля 2037 года

- Ворон два, входит в зону видимости...
- О'кей, подтверждаю, Ворон два в зоне видимости...
- Точка контакта!
- Уровень!
- Есть контакт! Картинка пошла.

На экране возникла картинка – горы, ущелье, натопанная дорога...

- Есть картинка, контакт устойчивый.
- Ворон два – один начинает сканирование...

Я стоял во временном оперативном центре и смотрел на экран, куда транслировались данные с беспилотников формации «Ворон». Формация «Ворон» состояла из трех беспилотников, двух разведывательных и одного ударного, вооруженного четырьмя ракетами с термобарической головной частью. Все три были одного типа и назывались «Пустынный лунь», их производил Китай, и они представляли собой копию американских беспилотников «MQ-9 Reaper». Довольно устаревшая модель, американцы давно, еще в двадцатые, начали переходить на турбореактивные... но где сейчас та Америка?

Во-во.

Схема использования БПЛА мало отличалась от принятой еще в Афганистане – два разведывательных и один – ударный, работающий в режиме максимальной экономии топлива, с тем чтобы не отличаться продолжительностью полета от разведывательной версии. Вот и сейчас пока разведчики сканировали местность, ударный – описывал большие круги в режиме максимальной экономии топлива. Если разведывательные БПЛА найдут цель – ударный выйдет на нее и расстреляет. Именно так обычно применяли БПЛА американцы – в отличие от растиражированной фильмами схемы обычно подсвечивает цель лазером один БПЛА, а наносит удар другой.

Пока что все шло более-менее по плану. Соппротивление в бывшей Киргизии плавно разрасталось – я сознательно не форсировал события, потому что мне надо было, чтобы народ сам поднялся и именно против исламистов и ислама – а не так, чтобы мы его освободили. Думаете, нам так сложно было бы захватить весь Кыргызстан и вообще все пустынные республики бывшего СССР? Техника восстанавливалась, доходы от торговли позволяли привлекать людей, а генерал Фань потихоньку останавливал поток боеприпасов из Китая в страны бывшего СССР. А вы думаете – как? Вот эти вот бородатые – о'кей, они начал производить «калашниковы» и что-то типа гибрида «калашникова» и «СВД» и еще много чего – примерно по той же самой схеме, по которой оружие производится... производилось в Дарра Адам Хель. Для производства примитивного оружия не так много надо: три станка, токарный, фрезерный и сверлильный, металлические заготовки, дерево на цевье, рукоятку и приклад. «АК» из Дарра Адам Хель стреляет три-четыре магазина, потом начинаются задержки – но обычно моджахед за это время успевает либо добыть трофей, либо стать шахидом. А вот патроны... вот патроны так не сделаешь, патрон – намного более сложная в производстве штука, чем сам автомат, и для него нужен специализированный завод. Завода не сделали, и потому патроны поставлял Китай, контрабандой их ввозили и из России. В нужный момент, если оба этих канала поставки встанут... дальше сами понимаете.

Вопрос в том, что от «освобожденных народов» не дождешься благодарности. Как только ты их «освободил», они садятся тебе на шею, а когда ты возмущаешься – начинают вспоминать, как хорошо было при талибах... или там еще ком. И как только возвращаются проповедники «истинного ислама» – они встречают их и начинается то же самое.

Поверьте, я знаю, о чем говорю. Мне довелось говорить с семидесятилетним стариком, ветераном Афганистана. Мне довелось воевать бок о бок с американцем, который в свое время приехал в Россию сражаться за Новороссию, да так тут и осел. Вот у нас, русских, видимо, в крови слова бессмертного Даниила Багрова из «Брата» – а Америке-то кирдык. Ну, вот сейчас точно кирдык – и что? А если посмотреть в прошлое – что плохого Америка сделала в Афганистане? Когда они пришли туда – Кабул был как Дрезден после бомбежки. Не было ни еды, ни воды, ни лекарств, ни правительства, которое за что-то бы отвечало: когда американцы заняли Государственный банк Афганистана, они нашли там в хранилищах кипы старых денег... понимаете, эти деньги настолько обесценились, что их даже никто не стал воровать. Они были никому не нужны даже даром. Когда же американцы уходили, они оставили после себя пусть проблемную, но все же страну. Были деньги, правительство, полиция, армия. Люди торговали, в Кандагаре, том самом городе, где жители говорили «мы все талибы», сложился даже своеобразный даун-таун, пусть и в шестнадцать этажей офисные комплексы, но по меркам Афганистана это небоскребы. В Кабуле строилось жилье, в Джелалабаде... но когда американцы ушли – почти сразу все разодралось, а потом население чуть ли не с цветами встречало отряды Талибана, это те самые, которые в 2001 году бежали из полумертвого Кабула, а сейчас они возвращались, и люди их встречали, и записывались в бандотряды, в джамааты, чтобы идти на север и джихадить. Вот это – как понимать и как расценивать? По мне – никак не надо понимать и никак расценивать – людей не изменишь, особенно взрослых. Надо просто понимать, что ты должен помогать, а не делать работу за них. Пусть те же таджики, узбеки, киргизы сами вышвырнут всю эту нечисть со своей земли на радиоактивные пустоши. Пусть они прольют кровь, пусть салафиты сожгут их деревни, уведут их скот, изнасилуют их жен, обратят в рабство их сыновей и дочерей. Только тогда у них будут кровные счета, только тогда они начнут сражаться по-настоящему, без дурака. И только после такой войны они начнут убивать проповедников чистого ислама и изгонять тех, кто заражен исламом, из селений и из страны.

Короче говоря, я провоцировал одновременно и гражданскую войну в регионе и сепаратистское движение против Халифата. Они в свое время преуспели в этом, так пусть же попробуют свое, густо приправленное человеческой кровью блюдо.

Жесток ли я? Нет, не думаю. Во-первых, когда мы вели бои в регионе, от нашей роты осталось в живых одиннадцать человек. За это кто-то должен платить... и не стоит сваливать вину только на афганцев и пакистанцев, которые тронулись на север с оружием, спасаясь от ядерной войны. Местные с радостью их принимали, записывались в их отряды, расправлялись с русскими, до каких могли дотянуться, потом шли воевать уже с Россией – с той самой Россией, которая когда-то строила здесь дороги, города, заводы, университеты и больницы, которая подняла их с земли и дала нормальное существование, а не как в Афганистане или в Африке. Во-вторых, свобода только тогда ценится, когда добывается своими руками и оплачивается своей кровью, а не когда тебе ее дал кто-то. В-третьих, я вывозил из региона их семьи, чтобы они не становились жертвами исламских карателей, и давал им хорошее оружие – лучшее из того, что они могли освоить. Я был честен с ними, и когда они вставали и брали в руки оружие – я не вел переговоров об их судьбе за их спиной и не шантажировал их поставками оружия и патронов. Самолеты исправно летали, сбрасывая в зону конфликта все новые и новые грузы... и пусть все так и идет...

Но были и другие точки приложения усилий.

Ферганская долина.

Это место было горячей точкой с самого начала, потому что Ферганская долина располагалась на территории трех государств и плотность населения в ней была самой большой в Центральной Азии. Беспорядки там были еще со времен СССР – за пахотные земли, за воду. Они продолжились и после СССР, только в более кровавой форме, потому что сдерживающих факторов больше не было. Решение этой проблемы сумели найти только религиозные экстремисты

– они погрузили всю Среднюю Азию в такую отчаянную безысходность, что человек другого народа стал восприниматься не как конкурент в войне за ресурсы – а как брат по несчастью, по забитой и беспросветной жизни.

В Ферганской долине, одном из немногих мест в регионе, которое было плотно населено, активно велась религиозная пропаганда и существовали религиозные школы и университеты – медресе и дар аль-улюм. Так же – медресе – назывались и лагеря подготовки боевиков, которых тут тоже хватало. Они располагались в горах и некоторые из них уже привлекли мое внимание...

- Есть. Множественные источники тепла.
- Фокусируюсь. Отстройка от помех.
- Запущена.
- Опознание.
- Включено...
- Двадцать палаток. Судя по тепловым отметкам, более ста целей.
- Подтверждаю.

Среди моих операторов были и те, кто помнил старые времена. Что-то тогда было проще, что-то сложнее. Мне, например, нет никакой нужды звонить президенту и просить разрешения на удар. Теперь с этим проще – как каждый из них творит то, что хочет, ради установления таухида на всей земле – так и я имею право послать их в ад экспрессом. Чем сейчас и займусь.

- Сэр, решение?
- Подтвердите, что видите оружие, – сказал я.
- Подтверждаю, сэр.
- Подтверждаю, отметки от оружия, сэр¹¹.
- Уничтожьте их.
- Есть, сэр. Внимание, у нас есть добро. Ворон три, начать расчет залпа.
- Принято, захожу на курс атаки, подхожу справа.
- Справа чисто.
- Ворон один, очистить зону, уходи на курс триста двадцать.
- Есть курс триста двадцать. Зона очищена.
- Ворон два, лазерное прицеливание, обозначить цели.
- Ворон три, есть лазерное прицеливание. Отметки устойчивы!

Если раньше один аппарат мог подсвечивать только одну цель, то теперь – до восьми и на автосопровождение – до ста.

– Цель в зоне поражения. Время над целью семь секунд. Есть захват целей, есть сопровождение. Мастер – ключ активирован. Первая пошла. Вторая пошла. Третья пошла. Четвертая пошла! Все ракеты выпущены!

- Ворон два, наблюдаю разрывы.

Я тоже это видел. Как белесые кляксы в самой гуще палаток, так, чтобы зацепить как можно больше талибов. Я их называю так потому, что талиб – дословно «студент, ищущий знаний». Да, там есть и четырнадцатилетние, но все они пошли не в религиозную школу, они пошли в школу боевиков, учиться, как убивать неверных. И чем меньше их – тем будет лучше. Нам всем. Мне плевать, виновны они в чем-то перед нами или нет. Лучше, если они не успеют ни в чем перед нами провиниться.

- Ворон один, оцените результаты удара.
- Вас понял, иду по кругу.
- Ворон три, ложусь на курс возврата...

¹¹ Вопреки тому, что показывают в фильмах, обычно дроном управляют два человека – один отвечает за полет, еще один – за оружие.

- Подтверждаю.
- Цели поражены, отличное покрытие.
- Я вас понял...

Я молча повернулся и вышел из центра управления БПЛА. Надо немного поспать... если получится.

Немного поспать...

Ни амира Ильяса, ни Сулеймана с его людьми в лагере в момент удара не было.

Не желая посвящать кого-то в истинное количество имеющегося оружия и в его происхождение, они взяли всю работу с оружием на свои плечи. Вечером они уходили в долгий путь к пещере и добирались к ней только потемну. Там они начинали работать с оружием... оружие надо было расконсервировать, проверить, пристрелять. Все в заводской смазке, часть какое-то время лежала на складах. Пристреливали с использованием лазерного комплекта для пристрелки, патроны тратить не хотели, да и шуметь тоже. Затем комплектовали магазинами, прицелами, глушителями, если были и если надо, боекомплектами, смазывали и все вместе упаковывали в мешки – мешков-то как раз у них было вдоволь. Все это они постепенно начнут переправлять в новые лагеря подготовки – каждый из них обоснует свой лагерь и станет там амиром. Это примерно как на Руси организовывали монастыри. То же самое.

Помимо этого в долгих беседах, с ветошью в руках, пропахшие консервационной и нейтральной смазкой, сталью и потом, они вели долгие беседы о жизни. И если бы кто-то из совета амиров и даже алим подслушали эти беседы – им пришел бы конец. Пусть не сразу – но конец. С гарантией. Их не оставили бы в живых потому, что люди с такими взглядами просто опасны, они не живут в свое удовольствие сами и не дают жить другим. Они не дают содержать рабов, употреблять по вечерам харам, содержать гаремы из маленьких девочек или мальчиков, спокойно созерцать то, как народ гибнет в нищете, в то время как ты построил дворец и окружил его забором. Даже если они ничего не говорят тебе – их глаза страшнее их слов. А ведь толпа – страшный зверь, и не раз отчаяние бросало людей на пулеметы...

Они говорили об Осаме бен Ладене. Об СССР и его экономическом опыте – об этом рассказывал амир Ильяс, он сам был совсем маленьким, когда рухнул СССР, но кое-что помнил, в то время как все остальные не знали точно, что означает это странное слово СССР. Они говорили об Афганистане и Сирии, о Ливии и Ираке – этих стран давно не было, но люди, помнящие их, остались и опыт остался. Они пытались понять, где они допустили ошибку. Как так получилось, что власть, которая вроде основывается на шариате, стала худшим врагом народа. Как получилось так, что герои джихада так отошли от шариата и, по сути, стали тиранами, еще худшими, чем были неверные...

Они много говорили. И в этих разговорах сначала рождалась мечта. А потом рождалась ИДЕЯ. Страшнее которой для Халифата не было ничего. Потому что как говаривал еще Виктор Гюго – имя, для молодых джихадистов ничего не говорившее, – страшнее всех армий мира идея, время которой пришло...

Аллаху Акбар...

– Абу Нури... – спросил Сулейман.

– А? – отозвался амир Ильяс. Он как раз разобрал пехотный вариант пулемета «ПКТ», производства Арсенал, Болгария, 2029 года, и отчищал его от приставшей консервационной смазки.

– Скажите, вы так хорошо говорили про людей руси. Но ведь они воюют с нами и убивают нас, разве не так?

Амир Ильяс кашлянул.

– Ты должен различать действия правительства, Сулейман, и действия простых людей.

– Но разве солдаты – не выходцы из тех же простых людей, эфенди?

– Да, это так. Но есть разница. Ты должен понимать, Сулейман, что джихад мечом – не единственный джихад из возможных. Более того, джихад сердца более предпочтителен, чем джихад языка, джихад языка более предпочтителен, чем джихад руки, джихад руки более предпочтителен, чем джихад меча¹². И это правильно – потому что если ты вышел на пути Аллаха, в то время как в твоём доме творится всяческий харам, Аллах никогда не даст тебе победы над врагом. И джихад меча следует делать только тогда, когда иного выхода не остаётся. Я много сражался, Сулейман, и я видел людей разных народов в бою. И нет из джахилей народа, который вел бы себя в бою достойнее, чем русские. Это же говорят многие афганцы со слов своих дедов.

– Но они все равно остаются джахилиями и упорствуют в своей джахилии.

– Да, но среди их народа меньше грязи и разврата, чем у многих других. Посмотри на Европу. Они не просто не верят в Аллаха Всевышнего, они делают все, чтобы вызвать его гнев. Они предаются самому омерзительному разврату, среди них полно мужеложников и тех, кто делает никахи с животными. Хуже того, они заключают браки с подобными им, и ходят молиться Пророку Исе и требуют, чтобы в их церквях освящали такие браки – что вызывает нестерпимый гнев Аллаха и многочисленные кары на них. Они готовы в любой момент предать друг друга и за деньги, и просто так. Они не живут семьями, а дети получают воспитание не от отцов, а от государства. Детей отбирают из семей и отдают в другие семьи. Они готовы отдавать своих детей в другую страну и людям другой религии, в то время как у нас если женщина осталась вдовой, мужчины этой семьи должны позаботиться о ней, иначе они покроют себя позором¹³. Они придумали такое развлечение, как виртуальный секс...

– Что это такое, эфенди? – удивленно спросил один из моджахедов.

– Да ничего. – Амир Ильяс вовремя опомнился, поняв, что его собеседники никогда не видели компьютер. – Это еще одна мерзость, отвратительная Аллаху. И обратить их в веру попросту невозможно – если они и примут ислам, то будут лицемерить и дальше заниматься отвратительными делами, радующими шайтана. Но русские – несмотря на то что они кяфиры, – они соблюдают многие запреты шариата, воздерживаются от недозволенного. Вот почему Аллах позволил именно им победить нас, и вот почему Аллах унизил и разгромил американцев и европейцев, которые пришли на земли ислама и которые...

Громыхнул гром. Сулейман поднял голову от снайперской винтовки – он установил прицел и пытался понять, насколько правильно он это сделал. Конечно, с помощью лазера снайперскую винтовку не пристреляешь, там надо будет потом еще заниматься.

Еще один разрыв.

– О, Аллах...

Еще.

– Надо идти туда! – встал Иса, один из моджахедов.

– Нет! – Амир Ильяс преградил ему путь, он один знал, что такое удары дронов и как это бывает. – Не ходи! Всем оставаться на месте!

В голове было только одно – знают ли они про пещеру. Сама пещера – неуязвима даже для бомбежки, но если они знают – то могут послать сюда барражирующий дрон – самоубийцу¹⁴.

– Но там наши братья! – возразил Сулейман.

– Если вы верите мне – не ходите.

¹² Джихад сердца – борьба со своими недостатками, джихад языка – разъяснение другим веры и указание на недостатки, джихад руки – наказание преступников, джихад меча – священная война.

¹³ В этом, в общем-то, и состоит изначальный смысл многоженства. Мужчины много воевали и часто гибли – поэтому, если оставалась вдова, ее брал в свой дом брат, а если не было брата – то другой родственник и заботился о ней. По-моему, все разумно.

¹⁴ Специфическая разновидность дронов, в отличие от обычных они не наносят удар ракетами и бомбами, а пикируют на цель сами и погибают при взрыве.

К лагерю они добрались только к середине следующего дня, когда, по расчетам амира Ильяса, дроны, которые могли барражировать над местностью, чтобы оценить результаты удара и понять, кто и как будет реагировать, – ушли.

Разорванные палатки, сбитый осколками флаг, белый, с черной вязью шахады, афганский. И трупы, трупы, трупы. Немногие из выживших пытались помочь тем, кто уцелел. Но большинство раненых к этому времени умерли.

– О, Аллах... – Сулейман поднял взгляд к небу.

– Нет! – Амир Ильяс дернул своего ученика за рукав. – Больше не смотри в небо. Никогда.

– Слушаюсь, эфенди... – сказал Сулейман.

– Потом поймешь почему. Как ты говорил, когда нес потери?

– Те, кто стал шахидом, сражаясь на пути Аллаха, не мертвы. Нет, они живы, они у Господа получают свой удел.

– Так и есть...

Амир Ильяс пошел к своей палатке, тоже сорванной взрывом, покопался в остатках и нашел телефон. Телефон ему дал амир Ислам. Он вставил аккумулятор и начал набирать номер.

– Что он делает? – спросил Иса. – Звонит кяфирам?

Сулейман больно ударил Ису по ноге.

– Неужели кто-то из вас сомневается в нашем учителе? Мы – это то, что он сделал из нас. Из всех, кого я видел, нет человека, более близкого к Аллаху, чем он. Неужели вы сомневаетесь?

– Аллаху Акбар, – испуганно сказал Иса.

Аллаху Акбар...

– Привет...

Она улыбнулась. Нет более привлекательной улыбки на земле, чем ее улыбка.

– Что делаешь?

– Стою в пробке, как видишь.

Мой звонок застал Настю в машине. Камера была установлена наверху, там, где в мои времена было зеркальце для водителя, и я видел ее всю – загорелую, в коротком ярком платье-сарафане.

– ...Я знаю, что бы ты сказал...

– И что же?

– По крайней мере, машина подзарядится¹⁵.

– Ты хорошо меня узнала...

– Ну... не так хорошо, как хотела бы. Как ты там?

– Как прошел показ? – сменил тему я.

– Отлично. Получила больше заказов, чем рассчитывала. Придется нанимать помощницу. Или, – она проказливо улыбнулась, – помощника.

– Не шути так с человеком, у которого есть в распоряжении боевые дроны.

Она сразу перестала улыбаться. Это всегда происходило, когда я начинал говорить о чем-то подобном. Она очень боялась всего этого.

– Револьвер при тебе?

– Да.

– Не обижайся. Мне спокойнее, когда он с тобой. Это как бы частичка меня.

¹⁵ На дорогах в цивилизованных городах и странах были участки со своего рода силовым контуром, и, когда машина ехала по ним, она получала подзарядку для своей батареи, хотя и небольшую.

– Ты шутишь?

Да уж.

– Извини...

В самом деле какой-то я... ненормальный. Причем конкретно.

– Как бизнес?

– Отлично. Торгуем потихоньку. Уже выходим на окупаемость. На прибыль чуть попозже.

– Отлично...

У нас всегда было так... или почти всегда. Разговор, начинавшийся просто отлично, как-то исчерпывался, и ни она, ни я не знали, как его закончить. Просто мы всегда были очень разными людьми.

Несколько раз я брал ее на стрельбище. Лучше бы я этого не делал. Некоторые женщины любят такие вещи... я знал одну дамочку из ВВС, она была до предела откровенной – армия ее привлекала огромным количеством мужиков... и это было честно и намного более нормально, чем британский принц, в отношении которого вся страна спорит, в какой брак он должен вступить – в обычный или в гомосексуальный. Но Настя была совсем не такой...

На сей раз нас прервали. Я посмотрел на телефон, скривился.

– Черт...

– Ответь.

Телефон продолжал звонить. Я переводил взгляд с одного на другое.

– Ответь, это же по работе.

– Ладно. Выбирайся из этой пробки.

– Люблю тебя.

– И я.

Нажимая на кнопку «ответить», мне вдруг пришло в голову, что она ни разу не задала мне вопрос – с кем я тут и не наставляю ли я ей рога. Она никогда мне таких вопросов не задавала – но тем хуже для меня, потому что я чувствую себя полным козлом.

Нет, не потому, что я изменяю тут ей направо-налево. Просто я чувствую, что недостойн тех чувств, которые она ко мне испытывает. И я не могу дать ей того, что она дает мне.

– Слушаю. Можете не называться.

– Надо поговорить. Как можно быстрее.

– Где?

– Выбирайте место сами...

Территория Халифата. Ночь на 09 июля 2037 года

Воистину, те, кто не верует, расходуют имущество свое на то, чтобы отвратить [людей] от пути Аллаха. И будут продолжать они тратить, но потом придется им пожалеть, потом будут побеждены они. И те, кто не верует, будут собраны все вместе в аду...
Аль-Анфаль (Трофеи)

Что для вас значит «надо срочно встретиться и поговорить»?

Наверное, вы бронируете столик или просто назначаете место встречи где-нибудь в центре и идете в кафе. Ну, или заказываете номер в отеле, если встречаетесь с дамой и есть надежда на продолжение после этой встречи. Как-то так. При отелях чаще всего неплохие рестораны, так что очень удобно.

Но в Халифате слова «встретимся и поговорим» имеют совсем другое значение...

Свет в десантном отсеке конвертоплана «Пустельга» в варианте SR – поиск и спасение – выключили сразу после взлета из Ташкента. Десантный отсек был рассчитан на шестнадцать человек или двенадцать с тяжелым снаряжением – конвертоплан создавался для заброски групп спецназа за линию фронта, и вместимость десантного отсека рассчитывали исходя из этого. Сейчас в десантном отсеке было восемь человек, не считая меня. Это то, что ваххабитские амиры называют «личный джамаат» – то есть телохранители.

В полной темноте мы пересекли линию фронта. Она выделялась сразу после огней Ташкента, пусть и редких, но огней – беспросветный и страшный мрак...

Какого хрена ему от меня нужно?

Я догадывался, что это как-то связано с ударом. Я сильно сомневался, что амир Ислам собирается отомстить мне за него или заманить в ловушку, – я имел дело с ним и прекрасно понял его – авантюрист и блестящий приспособленец с незаурядным умом и великолепными организаторскими способностями. Он молится Аллаху, но если надо – он будет молиться на телевизор. Кто бы ни погиб там в том лагере – ему плевать, ему будет плевать на смерть любого, кроме себя самого. Люди для него – не более чем пешки.

Пока летим... можно немного расслабиться, отойти от безумной гонки со временем, от бега с препятствиями под названием «бизнес в Центральной Азии» и немного подумать. Один из уроков, которые преподнесла мне жизнь и которые я усвоил, – никогда ни за что не берись, если не представляешь себе конечный результат. А в том деле, которое я затеял, – как я себе представляю конечный результат?

Сейчас прорисовывается два варианта. Первый – создается новое государство, во главе его каким-то образом становится амир Ислам или его подставной человек. Второй – регион отдается Китаю, и они там делают все, что считают нужным.

Почему не России? По одной простой причине: не потянем. Это, может быть, не понимают некоторые «патриоты», точнее горе-патриоты – но это понимаю я, это понимает генерал Фань Сяолин, это понимает любой здравомыслящий человек. Единственно, о чем может идти речь, – о территории бывшего Казахстана и о части Узбекистана с Ташкентом. То есть о предгорьях – просто потому, что мы их контролируем. И то я бы отдал Китаю и это.

Будем реалистами. Мы сейчас – первые по территории, наша территория значительно увеличилась за последнее время и составляет одну седьмую часть земной поверхности. На этой территории проживает – после всех потерь, после утраты Кавказа, после потерь Третьей мировой, но с учетом и беженцев, и населения присоединенных стран – от двухсот сорока до двухсот пятидесяти миллионов человек. Китай занимает много меньшую территорию, и его население больше миллиарда.

Зачем нам претендовать на территорию бывшей нашей Средней Азии? Зачем нам создавать предпосылки для будущей войны с Китаем, которая угрожит и нас, и, скорее всего, весь мир в придачу. Не проще ли отдать эти территории Китаю и занять его внимание на следующие двадцать-тридцать лет. А за это время модернизировать собственную страну?

Сколько земли нам еще не хватает?

Еще один животрепещущий вопрос: мы готовы истреблять?

Когда началась война – восстал Кавказ. Людей положили миллионы, пока отбивались. Когда от мороженая на всю голову орда хлынула на Россию через южные границы, спецназ, нас, внутренние войска, потом части регулярной армии бросили отбивать это нападение. При том что у нас было химическое, биологическое и ядерное оружие – но вместо того, чтобы применить все это, нас бросили туда. Были ситуации, когда мы отбивались при пятидесятикратном превосходстве противника. И только тогда, когда стало понятно, что Орду не удержать, что они прорываются в Поволжье, где их уже ждут – только тогда применили химическое оружие. И то только по Халифату вместо того, чтобы залить зарином и Кавказ. И до сих пор мы сомневаемся в том, правильно ли мы поступили.

Китайцы поступили проще. Когда стало понятно, что идет Третья мировая война и что эта война идет с исламом, они просто истребили всех мусульман в своей стране. Об этом мало кто знает... я спрашивал и Фаня, и многих других – никто мне не ответил, а Фань открыто сказал, что, задавая такие вопросы, я наживаю себе врагов.

Но шила в мешке не утаить. Те, кто знаком с тайнами Китая, прекрасно знает, что было принято решение истребить всех мусульман. Их и истребили. Всех, включая детей. Где-то убили уколами, где-то отправили в газовую камеру (у китайцев есть передвижные машины-душегубки до сих пор), где-то вывезли за город и расстреляли, над некоторыми местностями с самолетов распылили ядовитый газ. Заодно истребили множество нелегальных мигрантов – все в добрых традициях тридцать седьмого года, в каждом китайском городе есть телефон, куда можно позвонить и сообщить о мигрантах – приедут и увезут. Потом трупы закопали и стали жить как раньше. И сейчас не говорят об этом, а тот, кто говорит, наживает себе врагов. Они просто считают, что этого никогда не было. Детям не рассказывают. А внуки помнить уже не будут.

Мы так не можем. Потому что мы – русские. Для нас каждый человек – образ Божий. А они – смогут. Потому что они – китайцы. Коллективисты. Для них имеет значение лишь выживание их общества, которому пять тысяч лет. Если для этого надо истребить его часть, они на это пойдут и никогда не раскаются в этом. Это мы ищем какую-то абсолютную правду или неправду в тридцать седьмом году. Они могут просто сказать – Мао на шестьдесят процентов был прав и на сорок – неправ. А Дэн был прав на семьдесят и неправ на тридцать. И то, что в эти тридцать, сорок процентов входят миллионы загубленных душ... ну, что ж. Были неправы.

И потому восстанавливать и реколонизировать те земли, которые находятся сейчас под исламом, должен Китай. Мы просто не справимся. И дело не в том, что у нас по-прежнему земли больше, чем людей. А в том, что реколонизация и демонтаж Халифата – это уже понятно – потребует крови десятков миллионов. Наивно полагать, что те, кто встал на путь Аллаха, с него сойдут. Те, кто торговал рабами и содержал рабов, перестанут это делать. Те, кто проповедовал, откажутся и дальше собирать закят и жить за счет общества. Тот, кто бунтовал против власти и подрывал ее всеми возможными способами, станет государственным.

И единственный выход из всего этого – это убить. Возможно, не сразу, постепенно, но всех убить. Убить всех тех, кто участвовал в джихаде. Убить всех тех, кто торговал рабами. Убить всех тех, кто отрезал головы и топил собственных дочерей в бассейне, чтобы спасти свою «честь».

Мы так не сможем. Мы на это не пойдем. Потому что мы русские. А китайцы на это пойдут. Потому что они китайцы.

Но смогу ли на это пойти я? Я ведь тоже русский.

Второй вариант нарисовался совсем недавно, уже в процессе. Амир Ислам. Хитрый, циничный, с выдающимися манипуляторскими и организаторскими способностями. Явно получивший западное образование, но принявший ислам по соображениям выгоды. Наркоторговец с собственным видением мира и далеко идущими политическими амбициями. Насколько я могу его оценить – он вполне может возглавить мусульманское государство – но «цивилизованное», как раньше были цивилизованными эмираты Персидского залива. И государство, которое будет враждой и противовесом Халифату.

Вопрос в том, что будет с этим дальше.

Вопрос даже не в наркоторговле, которая будет цвести там пышным цветом. Вопрос в том, правильно ли менять шило на мыло.

Ведь если чему-то меня и научила прошедшая война – так это тому, что ислам враждебен в принципе. Да, я понимаю, что ислам – всего лишь средство, религия борьбы, такая же, как раньше был коммунизм. Но от этого легче не становится.

Я представляю, что будет, когда амир Ислам придет к власти. Он достаточно умен для того, чтобы понимать, – в новом государстве должен быть наполнен не только его карман. Он будет создавать нечто вроде среднего класса, но на исламско-халифатовский манер. Численностью примерно десять-пятнадцать процентов от всего общества. Это торговцы, это люди, занимающиеся каким-то примитивным производством и получающие выгоду от дешевой рабочей силы, это плантаторы-рабовладельцы, это все, кто связан с наркомафией. От меня он захочет получить оружие в количестве достаточном, чтобы поддерживать статус-кво. А религию придумывать не надо, оставит ислам.

Вот только будет небольшая проблема. Предыдущий мир взорвался от несправедливости. Он взорвался даже не от того, что кто-то был беден, а кто-то – богат. А от того, что пришло понимание: это – навсегда. Тот, кто был бедным, навсегда будет бедным, а кто будет богатым – навсегда останется богатым. И в критической ситуации – за богатых просто никто не встал. Они были чужими для общества, а общество – было чужим для них.

И, насколько я понимаю моего... то ли агента, то ли партнера по переговорам – он будет строить именно такое общество. Общество, где меньшинство, причем подавляющее меньшинство, контролирует большинство с помощью религии, манипуляций, точечного подавления наиболее опасных народных лидеров.

За счет чего будут жить? Никто не уступит амиру Исламу место на своих рынках, никто не даст ему кредитов, заодно попытаются и подгадать как будущему возможному конкуренту... все-таки по сравнению с Китаем труд тут может быть очень дешев, это есть. Хотелось бы верить, что это сыграет... в конце концов, тут осталась еще кое-какая инфраструктура, есть огромный рынок сбыта, на котором нет вообще ничего, пусты все ниши – приходи и бери, было бы чем платить. Но я, опытный и много плохого видевший человек, предполагать такого не могу. Скорее всего, правление новой элиты, под какой бы ислам они ни камуфлировались, закончится одним из двух. Либо элита, в попытке направить агрессию стада в правильном направлении бросит его на джихад против России или против Китая. Либо начнется восстание и эту власть сметут. И вопрос тогда будет в том, какая власть придет ей на смену. В девяносто первом рухнула другая страна и другая власть, на место коммунизму пришел радикальный антикоммунизм. Это – один из вариантов. Когда сметают и власть и идеологию, заменяя ее другой, противоположной первой. Второй вариант – это когда власть меняется, но идеология остается и даже в более радикальном варианте, чем была. Предыдущая власть обвиняется в отходе от норм и принципов предыдущей идеологии, чем и объясняются все жизненные трудности. И чтобы выйти на правильный путь и решить все проблемы, надо просто вернуться к истокам, к деяниям праведных предков, и так далее, и тому подобное.

То есть на месте Халифата возникнет еще более радикальное образование. И следующий вопрос – против кого оно будет дружить. Ему будет нужен враг. Всем государствам подобного типа всегда нужен враг. Вопрос в том, кого оно сделает своим главным врагом. Россию – или...

– Есть сигнал!

Ну, вот. Если на склоне горы не засели ракетчики с китайскими пусковыми установками, сейчас приземлимся...

– Десять метров! Пять метров! Три метра! Один метр! Касание!

Приземлились...

– Возможный контакт на семь часов!

– Враждебности не проявляет.

– Не стрелять! Не стрелять!

Второй конвертоплан – он канонерский, там установлена кабина стрелка, какую обычно использовали при проводках конвоев, и в нем установлен скорострельный пулемет калибра 12,7 польского производства. И это не считая трех других пулеметов и сбрасываемых дронов-самоубийц. Так что если кто что задумал недоброе...

– Можно!

– Выдвигаемся.

Это – уже мне...

Амир Ислам на сей раз был одет в типично европейский костюм, качество которого я смог оценить даже при тусклом свете разбросанных ХИСов. Все-таки я стал немного англичанином... а англичане умеют ценить хорошую одежду. На свете есть только две страны, где можно хорошо одеться хэнд-мейд и где по-прежнему поход к портному предпочитают походу в гипермаркет или бутик известного бренда. Это Великобритания и Речь Посполита.

– Салам алейкум, – сказал я.

– Ва алейкум, – сказал в ответ амир Ислам, подчеркивая и собственную принадлежность к исламу, и мою принадлежность к куфару – надо поговорить. Не в машине.

Я сделал жест охране, чтобы не следовали за мной, и примерно такой же сделал амир Ислам.

Мы отошли в сторону. Это была часть Ферганской долины, но широкая часть – горы были рядом, а вниз, во мрак, уходила дорога. Я вынужден был надеть очки с функцией ночного видения – ночью ходить по незнакомым горам смертельно опасно, каждый шаг может стать последним...

Мир предстал передо мной в серой дымке, внизу, оказывается, лежало селение... в нем не было ни одного огня...

– Я всегда вижу, где проходит граница, – пробормотал я.

– По огням? – спросил амир Ислам.

– Да.

– Для многих здесь единственный свет – это свет, исходящий от единственно верного учения...

– Когда-то давно в моей стране тоже было единственно верное учение. Кончилось это плохо. Но одно несомненно – вместе с единственно верным учением в той стране был и свет...

– Для чего вы нанесли удар беспилотниками по лагерю? – спросил амир Ислам.

Я пожал плечами.

– Просто потому, что была такая возможность. Там находился лагерь подготовки боевиков, довольно крупный, готовящих джихадистов для войны южнее Долины. Там сражаются мои люди... обеспечивающие удар, не более того.

– Вам следовало бы предупредить меня о своих планах.

Происходи это еще несколько лет назад – я бы рассмеялся этому типу в лицо. Тогда я был неплохим группником¹⁶, удачливым, способным и заработать денег, и вывести своих людей назад. Но у меня не было стратегического видения ситуации. Я не знал и не хотел знать нюансов, для меня бородатые были «клиентами», рожами в прицеле. Я не знал и не хотел знать, что этот мир сложен и далеко не монолитен, в отличие от нашего мира. Тогда я бы просто рассмеялся в лицо в ответ на предложение одного из амиров сообщать ему о целях бомбовых ударов.

Но тогда – не сейчас.

– А в чем проблема? Это был лагерь экстремистов, на него были данные. Там была школа подготовки боевиков, возглавляемая неким Ильясом.

– Проблема в том... – медленно сказал амир Ислам, – что Ильяс-праведник является моим агентом. И вы сильно навредили мне своими слоновьими действиями...

– Как вы видите сотрудничество с исламскими экстремистами? – устало спросил я. – Вы понимаете, что они не продаются и не покупаются? Их нельзя купить ни деньгами, ни обещанием доходов от наркотранзита.

Амир Ислам вместо ответа махнул рукой, крикнул короткую команду. Я услышал слово «шай» – чай.

– Сейчас принесут чай. Каркаде, если не возражаете. Знаете, что это такое?

– Да. Чай из лепестков суданской розы. Он не радиоактивный?

– Нет, он из моего сада, – сказал амир Ислам, – на самом деле, одна из ваших проблем в том, что вы все меряете деньгами. И не хотите задумываться над тем, что будет, когда деньги кончатся. Афганистан пал, когда кончились деньги на его оккупацию. Ирак пал, когда кончились деньги на его оккупацию.

– Скорее кончились не деньги, а терпение.

– Сказано – они будут расходовать, чтобы отвлечь вас от религии Аллаха. И они израсходуют все, что у них есть, потом они потерпят убыток, потом они будут повергнуты. Согласитесь – эти строки, написанные сотни лет тому назад, как нельзя точно отражают то, что произошло.

– Возможно. Но терпение кончилось еще раньше – как и понимание того, какого дьявола происходит? Вы действительно считаете, что вам удастся контролировать радикалов?

– Да.

– Как?

– С помощью манхаджа усамитов. Вы знаете, что это такое?

– Второе пришествие...

– Именно. Вы не были на джихаде и не знаете, что это такое. Вы не жили среди арабов и не знаете, каковы они. Я – жил. На словах они правоверные – но клянусь Аллахом, я не видел более лицемерных и заносчивых людей. Те, кто богат, рождается с золотой ложкой во рту, ничего не добывается своим трудом, все получают от семьи, от родителей. Потом они восстают против диктата семьи, но если в Америке восстать против диктата семьи означает убежать из дома, то в Аравии – присоединиться к джихаду, а потом шантажировать родителей, требуя все новых и новых перечислений на джихад. Те, кто беден, понимают, что они бедны, и ничем не отличаются от такого же бедняка из Йемена, Пакистана, Судана или Афганистана, за исключением одного – они родились на земле, по которой ступала нога Пророка Мухаммада, они говорят на том же языке, на котором говорил Пророк Мухаммад, – и в силу этого они выше всех других, они могут сами читать Коран. А все остальные не могут, и Коран, который написан не на арабском, недействителен. Как думаете – многие ли на фронтах джихада рады такому?

– Вряд ли.

¹⁶ Командир группы, неофициальное звание в спецназе, ни в одном другом роде войск такого звания нет.

– Вот именно. Чем дальше был джихад от Аравии, тем меньше местные братья понимали, какого черта эти люди так себя ведут и какого черта они проповедуют, ведь в шариате сказано, ведь Аллаху все равно, какой ты национальности. Многим надоело то, что арабы присвоили себе и Коран, и Пророка, и джихад. Думаю, это особенно надоело афганцам, которые ведут джихад с семидесятых годов прошлого века. Я намерен исправить это.

– Как?

– Моя семья давно собирала все, что говорилось про Осаму бен Ладена. Про Пророку Осаму. Вы знаете, что такое иснад?

– Цепь передачи?

– Она самая. Али услышал это от отца, тот в свою очередь услышал это от деда Бурака, тот это услышал. Понимаете?

– Да...

– Осама бен Ладен долгое время сражался в Афганистане, он жил в Афганистане и Пакистане и умер там. Найдется много людей, которые видели и слышали то, что он говорил. А если даже и не слышали – кто и как их проверит? На то, чтобы составить новый шариат, потребуются десятилетия. И все это время ученые будут заняты и не будут возбуждать народ.

– Все это не объясняет, зачем вам нужен радикальный амир-праведник и как вы его будете контролировать.

– Зачем? Помимо хадисов кто-то должен вести настоящую войну. А Халифат бросит на нас армию, обозвав отступниками. Таким образом, нам нужен будет военный амир, который возглавит джихад против отступников. Ведь точно так же, как отступниками назовут нас, так и мы назовем отступниками их.

...

– Они обязательно сделают это. И нам будет нужна ваша помощь в борьбе с Халифатом. Так вы решите свои проблемы, верно?

– Почему бы вам просто не призвать наемников?

– Наемников? – амир Ислам презрительно хмыкнул. – Вы уже использовали против нас наемников и используете. Победили?

Туплю.

– Еще вопрос. А почему бы ему не договориться с Халифатом и не выдать ему вас как зачинщика мятежа, а самому стать военным амиром вилайята и главой Шуры амиров? Согласитесь, зачем ему журавль в небе, если есть синица в руках.

– Синица?

– Да. Маленькая птичка в руках лучше, чем большая в небе. Русская пословица.

– Да. Но это невозможно по множеству причин. Багдад никогда не сможет доверять ему по-настоящему – он русский, родился в куфаре, какое-то время сражался против мусульман и убивал их – его нынешняя праведная жизнь – козырь в руках местных, которые еще не забыли вас, – но в Багдаде ему все припомнят...

Что-то свербило в мозгу... я что-то пропустил, но не мог понять что.

– ...Во-вторых, он и в самом деле праведник. Он отказался от светской жизни и удалился в горы. У него убили обоих сыновей. Он участвовал в джихаде лично – таких мало уже осталось. И он, как и я, видит несправедливость и понимает, что так, как жизнь идет сейчас, – она не должна идти. И причиной этому – во многом Багдад и...

– Пойдите.

...

– Вы сказали, что он – русский.

– Кто – Ильяс-праведник? Да, он русский, по крайней мере так о нем говорят.

– Он... сражался против вас когда-то? Это – так?

– Говорят и про это. Говорят, что он был в куфарской армии, но разочаровался в куфре, принял ислам и встал на джихад...

– У вас есть его фото?

– Фото?

– Да, фотография. Любое изображение.

– Нет. Ислам запрещает изображение людей. Как вы себе это представляете?

– Вы можете сделать его фото и прислать мне? Это очень важно?

Амир Ислам внимательно посмотрел на меня... я подставлялся, но иного выхода не было.

– Полагаю, что смогу, если это так важно.

– Важно. На чем мы остановились?

– На джихаде. Джихад должен вести человек, которому доверяют люди. Непросто – поднять людей против бывших властителей...

– Ошибаетесь, – сказал я, – как раз таки просто.

– В случае с вами, кяфирами, – да, если нет веры. Но у нас, верующих людей, трудно заставить поднять оружие друг на друга.

– Напомнить про раскол на шиитов и суннитов? Сейчас времечко то еще, как раз для еще одного раскола.

– Не надо, – раздраженно сказал амир Ислам, – я, кстати, понимаю ваши опасения. Вы думаете о том, что будет потом. Куда они пойдут – на север или на юг. Так вот – мы пойдём на юг. Я не вижу никакой нужды в том, чтобы враждовать с Россией.

– Рад это слышать.

– И это правда, хоть вы и не верите. Моя мечта – создать мир, хоть немного похожий на тот, который мы потеряли...

Мы стояли на обрыве... на самом его краю. Где-то вдали... едва теплился новый день – а я слушал, возможно, самого умного и циничного человека из всех, которых знал в своей жизни. Мы стояли на краю обрыва – и можно сказать, что исповедовались друг другу...

– ...вы бы видели, что представлял собой Бейрут в те времена. На набережной Корниш – яблоку негде было упасть, а машина меньше чем за сто штук – уже и не машина была. Девочки... знаешь, друг – мусульманки все-таки лучше ваших женщин, потому что ваши испытывают стыд, занимаясь сексом, а мусульманки – нет. Можно было снять себе девочку в городе или поехать в одно из казино на побережье, там были христианки... да кого там только не было, друг. Мы покупали виллы в лучших местах мира, летали на частных самолетах... надо было всего лишь продавать нефть и покупать взамен все, что душе угодно. Мы так и делали. В нашей семье у каждого из детей была персональная служанка, и еще одна – на всех сразу. Когда мне было двенадцать – она стала первой моей женщиной. И на что мы это променяли. Вот на это...

В голосе амира басовитой нотой отозвалась ненависть.

– Ваши идиоты решили, что у нас должна быть демократия. Какая демократия, о, Аллах? Какая, к шайтану, демократия? Демократия – это значит, что мой отец, который владел банком и портом и посылал своих сыновей учиться в лучшие университеты мира, и какой-нибудь водонос или крестьянин, который больше десятка динаров в руках не держал, имеют равные права, так, что ли? В жизни такого не было! Вы так и не поняли, что те, кого вы презрительно называли «диктаторы, автократы, коррупционеры» – на самом деле любили вас. Они любили вас, любили ваш образ жизни, ваши дома, ваши машины. Они были единственными европейцами в своих странах, как и вся наша элита, весь бизнес, единственными, кто не ненавидит, а любит вас. Они вкладывали деньги в ваши предприятия, которые банкротились одно за другим от отсутствия денег. Они покупали вашу недвижимость, которую больше никто не хотел покупать. Они и в своих странах строили примерно то же, что и в ваших, хотя бы в столице. А те, от кого вы ждали демократии, свободы слова и прочей ч'янды, – на самом деле ненавидели вас и то, что вы несете. Они не хотели учиться, они не хотели работать, они ненавидели вас! Они

чувствовали унижение даже не от того, что вы делали, а от того, что вы собой представляли. Когда вы – или автократы – строили небоскреб, они начинали ненавидеть еще сильнее, потому что сами они такой небоскреб построить никогда не смогли бы. Все, чего они хотели – это разрушить все то, что напоминает о вас, о вашей силе, о вашем могуществе. Небоскребы, которые построены по вашим проектам, кварталы вилл, автомобили – все. Сначала у себя в странах, а потом прийти к вам и сделать то же самое уже у вас – вот, что они хотели на самом деле. А вы думали, идиоты, что они хотели свободы слова и правового государства. И им удалось сделать по-своему – посмотрите, во что все превратилось. Я построил свой маленький мирок и огородил его забором, но я не могу купить спортивную машину, как раньше, потому что нет дорог, по которым на ней можно ездить. Каждый раз, когда я еду в город, я вижу, как десятки глаз смотрят на мою машину и видят то, как однажды она будет гореть и я вместе с ней. Это все вы, со своими проклятыми идеями, по которым последний феллах имеет те же права, что и шейх. Будьте вы прокляты за то, что вы сделали!

– Я не заслуживаю проклятья, – сказал я, обдумав, что сказать, – мой народ не нес на восток демократию.

– Вы несли коммунизм. Это еще хуже.

Каркаде был отличным – кислым, как антоновское яблоко. Разговор шел куда-то не туда...

– Вы удержите ситуацию под контролем? – примирительно спросил я.

Амир Ислам провел руками по лицу.

– Не знаю. Будь оно все проклято, не знаю. С вашей помощью, наверное, удержу, иначе бы не брался. Мне нужен будет свободный коридор через Россию для моего товара.

Товаром, конечно же, были наркотики.

– С одним условием – в России не продавать.

– Я не продам – продадут другие.

– Речь о вас.

– Договорились...

Никакого стыда или сомнения я не испытывал. Наша страна никогда ничего хорошего не видела ни от Европы, ни от США – в общем, от всего цивилизованного мира. Так что и у меня никаких обязательств перед ними нет.

– Я привез вам подарок. Немного оружия и деньги. Полагаю, оно вам будет кстати. Это подарок – без дополнительных обязательств.

– Подарок...

Амир Ислам помолчал.

– Вы мне нравитесь. Прежде всего, тем, что вы понимаете нас. Надеюсь, что вы нас не подставите...

– Не подставляю.

– Хорошо. И на будущее – прошу не бомбить нас без разговора со мной. Мы и так живем тут как на вулкане. Для взрыва – надо совсем немного...

Подарком были пятьдесят снайперских винтовок «Вепрь-54»¹⁷ экспортного образца с тысячей новосибирских снайперских патронов на каждую. Патронов было много, достаточно много для того, чтобы подарок не выглядел ловушкой, но при этом недостаточно для того, чтобы вести полномасштабную войну. А значит, рано или поздно патроны исчерпаются, и амир Ислам придет за пополнением ко мне. А я буду решать, дать или не дать, в зависимости от его поведения. Вот это вот и есть – real politic. Реальная политика.

¹⁷ «Вепрь-54» – тактический вариант охотничьего карабина «Вепрь-123» со складным прикладом и цевьем РПК. В «боевом» варианте они шли со сменным блоком стволов, второй блок – под 9×54 бесшумный, некий аналог винтореза.

Фотография пришла через несколько дней – благо в доме у амира Ислама была единственная на много десятков километров вокруг спутниковая точка Интернета. Я долго смотрел на фотографию, потом вызвал весь оперсостав, занимающийся разведдеятельностью, раздал им распечатанные фотографии.

– Цель номер один для вас отныне, – сказал я, – этот человек очень опасен. Мы должны знать о нем все: чем занимается, сколько у него людей, какие у него планы на будущее и политические взгляды. Знать все! Но не убивать.

– Кто это, сэр? – спросил один из «оперов», разглядывая картинку.

– Бывший старший сержант внутренних войск Ильяс Галимов. Уроженец Нижнего Новгорода, наполовину русский. Ему сейчас сорок три года. Во время прохождения службы в спецназе внутренних войск тайно принял радикальный ислам, впоследствии открыл огонь по сослуживцам и скрылся. Прошел подготовку в Пакистане, участвовал в боях на Ближнем Востоке, затем в Средней Азии. Крайне нетерпимый религиозный фанатик.

– Вы его знали лично, сэр?

– Да. Знал...

Лондон, Англия. 14 июля 2037 года

Работа, какая бы она ни была, должна была быть сделана надлежащим образом, потому что так правильно. Так их учили родители, и так их учила армия, хотя вообще-то их народ был известен в мире по дешевым товарам довольно сомнительного качества. Но это было уже в прошлом – они заняли то место в мире, на которое имели право, и сами размещали заказы на дешевое производство по всей Азии.

Для работы в Лондоне они сняли себе помещение в бывшем гараже, переделанном под жилье¹⁸ и сдаваемом помесечно. Там находилось большое количество низкооплачиваемых исполнителей и получателей субсидий, никто не обращал внимания на постоянно меняющийся контингент жильцов. А поскольку люди, там живущие, не ездят на «Рейнджроверах», они арендовали две машины: «МГ» и «Дачию», как раз такие, какие подходят под ситуацию, неприметные в потоке и анонимные.

Напарник купил себе карточку на месяц публичного Интернета¹⁹ для туристов, дешевый планшетник и начал активно интересоваться миром моды, постоянно выходя в Сеть из разных мест, даже из интернет-клубов... полиция, вне всякого сомнения, расследуя преступление, будет интересоваться динамикой запросов по указанному лицу и заходов в социальные сети. Тут его ждал большой сюрприз: в отличие от девяноста девяти процентов других женщин ее возраста у цели не имелось личных страничек ни в одной социальной сети – и это в то время, когда люди просто переселились в социальные сети. Корпоративный сетевой адрес с полным пакетом представительства в Сети был, был даже интернет-менеджер из агентства, отвечающий за продвижение в Сети, – логотип довольно известного агентства находился на всех страничках. Но личного адреса не было – только почтовый ящик, в котором более девяноста процентов сообщений оставались непросмотренными. Это было не просто необычным – по классификации признаков подозрительного поведения это сразу переводило ее в разряд лиц, нуждающихся в более детальном мониторинге²⁰.

Ради интереса и с другого компьютера он попытался поискать страничку ее бойфренда и обнаружил, что она есть, вот только последняя запись была сделана четыре месяца назад и была ни о чем. Видимо, этот парень хорошо знал про модели подозрительного поведения. И знал, как их обходить.

В любом случае, если имеешь дело с русским спецназом, надо соблюдать максимальную степень осторожности...

Тем временем сам Ликвидатор, взяв «Дачию» – он не арендовал, а купил ее, подержанную, с высоким верхом и с полноприводной версией, прикупив еще и трекинг-одежду²¹, выбрался из Лондона, чтобы посмотреть на жилье своего врага издали. Он уже видел его в то самое время, когда выполнял первый заказ на него... он его не выполнил, и это до сих пор сидело в его памяти как заноза... он думал о себе как о профессионале, который может все, – и вот он промахнулся над Парижем... промахнулся, черт его дери! Конечно, в другой раз он бы не промахнулся, да и заказчик снял заказ... но все равно он чувствовал себя раздраженным и обманутым, когда думал о ней.

¹⁸ Гаражи, переделанные под жилье, – новая фишка недвижимости в крупнейших мегаполисах с дорогим жильем.

¹⁹ Лондон был полностью в зоне публичного Wi-Fi, правда, за пользование с приезжих взималась плата, горожанам было бесплатно.

²⁰ TrapWige – национальная система слежения за подозрительной деятельностью, создана в США, контролирует поведение всего населения США по десяткам параметров, используя так называемые «модели подозрительного поведения». К описываемому периоду под постоянным контролем находились все.

²¹ Одежда для выходов на природу, одно из названий. Чаще всего в комплект входили штаны из молескина, операторский жилет с карманами и легкая ветровка.

Место, в котором русский со своей подружкой свил гнездышко, было довольно уединенным – это был не коттеджный тематический поселок, это был дом, стоящий на отшибе от остальных, посреди типичной британской природы. Он выбрал дерево, достаточно крупное и крепкое, чтобы выдержать его вес и достаточно удобное, чтобы провести там долгое время. Сначала он взобрался на нее, ловкий как обезьяна, потом подтянул тюк со снаряжением. Развернул маскировочную сеть, накрылся ею с головой, установил стабилизированный бинокль для наблюдения. Если даже его здесь кто-то увидит, он мог объяснить свое присутствие здесь – бердвотчинг. Довольно популярное до войны развлечение – наблюдение за птицами. У него была книжка бердвотчера с разными видами птиц и записями, и неподалеку был небольшой пруд, на котором были утки. В Британии бердвотчинг, как и любое другое хобби, встречался с пониманием, и максимум, что могло бы быть, – его бы попросили покинуть частную собственность.

Развернув бинокль и поставив его на максимальную кратность, он принялся оглядывать владения русского. Это был фермерский дом постройки, наверное, даже позапрошлого века – вон там конюшня, переделанная в гараж. Кусты и лужайка не стрижены – значит, русский мало придает внимания антуражу... обычно иностранцы, попадающие в Британию, стараются быть святее папы римского вместо того, чтобы купить модифицированную траву, каждый день тратят время на газон: тут этого не было. Подъездная дорожка также щебенчатая... не асфальтированная. Зато он не заметил ни одного открытого окна, ни одной незакрытой двери... аккуратно. Скорее всего, в доме установлена современная система сигнализации.

Ее можно обойти – но тогда у полиции может появиться подозрение, что это не просто ограбление.

Он терпеливо ждал и наконец дождался. Появилась она. Красный «Родстер». Он включил режим записи и замер.

Ага... вот и слабое звено.

Женщина – волосы у нее были покрыты легким платком – вышла из машины, пошла к двери. Машина – медленно поползла к открывающимся дверям гаража...²²

Слабое звено – в момент, когда двери гаража открыты, можно проскользнуть туда, а из гаража – скорее всего, и в дом, они соединены. И система не отреагирует на нарушение внешнего периметра... наверное.

– Неплохо...

Он дернулся так, что едва не упал с дерева.

Под деревом, в сгущающейся темноте, стояла она, и почему-то казалось, что вся она, в своем длинном, черном, модельном пальто, состоит из темноты.

С. а!

Он соскочил с дерева, она отшагнула в сторону.

– Что тебе тут надо?

– Ничего. Просто решила посмотреть...

– Посмотрела? Вали отсюда.

– Ты такой грубый.

– Ты меня демаскируешь, поняла?

Он хотел грубо схватить ее за плечо и толкнуть... или сделать еще что-то – но пальцы схватили пустоту, мираж – а она, отступив, засмеялась.

– Меня здесь нет. Я не более чем мираж.

Тварь. Где излучатель? Конечно, существует чертовое множество способов создать голографическую картинку повышенной реалистичности – но большинство из них предназна-

²² Режим полностью автоматической парковки.

чено для стационарных помещений типа театра или борделя. А тут – как это возможно тут – он сам не знал, где именно займет позицию.

С беспилотника? За ним что – все время следят? Или за жильем этого типа? Если это так – то он запросто может заработать себе высшую меру – при съёмке с беспилотника ничего и доказывать не нужно...

– Какого черта тебе надо? Ты заплатила деньги, так?

– Мммм... да.

– За то, чтобы за тебя сделали работу. Так какого черта тебе надо? Ты же не хочешь испачкать свои руки кровью, так...

Она вдруг подняла свои руки... пальцы начали удлиняться.

– У-у-у...

– Пошла отсюда, я сказал.

– Я пришла, чтобы сказать – мне нужно не просто убийство.

...

– Мне нужно жестокое убийство. Убей ее... ножом. Или забей до смерти кочергой. Или...

– Да пошла ты, с...а.

– Ла иллахи илла'ллагъ, – вдруг сказала она. – Мы предписали им в нем: душа – за душу, око – за око, нос – за нос, ухо – за ухо, зуб – за зуб, а за раны – возмездие²³.

– Не смей при мне цитировать Книгу. Ты не мусульманка.

– А кто же?

– Дрянь – вот ты кто...

– Опасайся судить, если не знаешь...

Она засмеялась и исчезла.

Некоторое время Ликвидатор стоял молча. Потом, невзирая на опасность быть обнаруженным, начал одно за другим обыскивать места, где он сам бы поставил голографический излучатель. Больше чем через час, когда уже совсем стемнело, он остановился, грязный, потный и злой.

Излучателя не было...

Нигде.

На кольцевой Лондона он попал в пробку. Как оказалось, полиция проверяла документы у всех подряд. Отлавливала нелегальных мигрантов.

Ликвидатор, переведя машину в режим пробки²⁴, молча смотрел в залитое огнями рекламы ветровое стекло, его лицо было мрачным и злым. Все внутри него кричало об опасности, которую он не мог идентифицировать и устранить.

Полицейские катились мимо ряда машин на «сегвоях», на каждом – в держателе автомат. У каждой машины они останавливались. Ликвидатор на всякий случай подвинул рукоять «ЭМП», просто чтобы знать, что он – здесь.

Полицейские...

Удивительно, но они не были роботами, они были людьми. Хотя создать робота, помогающего идентифицировать личность, не так-то сложно. Просто никто это не делает. Полиция – это одна из работ, на которой не грозит сокращение штата...

Один из полицейских бесшумно подкатил к «Рейнджроверу», постучал в стекло. Тонированный стеклопакет скользнул вниз.

– Добрый вечер, сэ.р. Прошу простить, проверка документов.

²³ Аль-Маида, 45.

²⁴ Тоже автоматический режим – когда машина идет в пробке, радар сам определяет, сколько до бампера впереди идущей машины, и подает машину вперед. Не надо ни с коробкой дергаться, ни с педалью газа.

...

– Будьте любезны смотреть сюда... смотрите... отлично, сэр. Да... можете ехать, сэр. Благодарю за сотрудничество...

Конечно же, его не опознали. Ни в одной базе данных его не было...

«Рейнджровер» тронулся, набирая скорость...

– У нее есть друзья? – спросил Ликвидатор, просматривая подборку. В подборке был результат слежки за мисс Стейси Кокрятски во время ее пребывания в Лондоне.

– Да, есть. Скорее коллеги по работе и бизнесу, – ответил напарник.

Ликвидатор продолжал просматривать видео... вот они в каком-то кафе, несколько девушек, вероятно, модели, потому что все очень красивые. Стайка певчих пташек, которая и не подозревает, как близко к ним ястреб.

– А друг сейчас?

– Что ты имеешь в виду?

– Хватит отвечать вопросом на вопрос! – сам не зная почему, разозлился Ликвидатор. – Друг для секса, половой партнер, жиголо. Еще не понял?

– На мой взгляд, нет.

– На твой – или нет?

– Что не так? – спросил напарник.

Ликвидатор бросил на кровать планшет, поднялся и пошел к лестнице, ведущей на второй этаж бывшего гаража.

Напарник не пошел за ним, он знал – не стоит. Через некоторое время Ликвидатор вернулся, как всегда невозмутимый.

– Я боюсь, что это плохо кончится... – сказал он, беря планшет.

– Нашел что-то?

– Да. Она бросает машину и идет в дом, дверь в гараж в это время открывается. Можно проникнуть.

...

– Завтра.

Утром Ликвидатор сделал то, чего не делал уже давно. Он пошел в магазин и купил нож...

Как и все в армии, он проходил базовый курс обращения со штыком, но мастером ножевого боя не был. Ни в одном спецподразделении сейчас не учат ножевому бою – окончательно нож как оружие сдал свои позиции после появления дешевых глушителей. Но ему был нужен нож, и он купил его – не длинный и не короткий, с простым прямым клинком в форме вытянутого треугольника и ручкой из плотной резины, приятно пружинящей под пальцами. Он не стал затачивать его – нож был новый, смысла не было. Проблема была в том, что он был блестящий, незатемненный – и пришлось пришивать что-то вроде кобуры под курткой.

Последний штрих к картине придумал напарник. Он купил порцию дешевого наркотика, и они измазали порошком лезвие и посыпали немного на рукоять. Теперь, когда полиция будет вести расследование, они обнаружат следы наркотика и сделают вывод, что здесь был наркоман.

Машину они оставили в перелеске... ничего в этом такого не было, водитель мог пойти в лес порисовать или тем же бердвотчингом заняться, это были не частные уголья. Они разделились – Ликвидатор пошел впереди, одетый в гражданское, и лишь перчатки на руках и больничные бахилы на ногах выдавали его намерения, встретить его кто-то на дороге. Напарник взял «V&T 300» и отстал от него на треть мили, впрочем, не теряя его из виду. Если первый номер не справится с ситуацией – на помощь придет номер второй.

Сплошного ограждения вокруг дома не было – это была Англия, здесь не приняты заборы – и Ликвидатор, двигаясь обычным шагом, прошел мимо дома, потом метнулся в сторону, прижался к стене. Камеры. Он был уверен в том, что их нет, но не до конца: современные камеры

могут быть в самых неожиданных местах, а владелец дома имеет возможность доставать самое серьезное снаряжение. На вид – камер не было.

Он лег прямо на землю, положил нож рядом, плеснул на себя немного алкоголя из заранее припасенной фляжки и принялся ждать. Если система засекала его и вызвала полицию или частных секьюрити, то он – не более чем пьянчуга, зашедший на чужую собственность.

Но никто не приехал, не появился полицейский дрон. Ничего не произошло...

Было сыро и неприятно. Ликвидатор лежал и думал, что этот русский, наверное, очень счастливый человек. Даже дважды. Первый раз – в том, что на него сняли заказ, это происходит очень нечасто. Дали еще пожить... хотя потом опять заказали, смерть никогда не уходит далеко, ждет... Второй раз – у него есть дом, куда он может вернуться, и у него есть женщина, которая любит его не из-за денег.

У него есть только джихад. И самосбывающиеся дурные предзнаменования.

Темнело. Он лежал и ждал. Однажды он пролежал четыре дня без движения, ожидая, когда нужный человек пройдет перед ним, на линии его огня. Этот человек постоянно менял маршруты и время, когда он по ним ходил, но количество этих маршрутов не бесконечно и рано или поздно он должен был повториться.

И повторился.

Время шло. Он ждал...

О машине его предупредил напарник. Он бы не услышал – электромобили очень тихие.

– Красный «Родстер». Пятьсот метров.

Есть.

– Она одна?

– Да. Одна.

Термооптическая насадка – в этом случае помогла.

– Давай отсчет.

– Четыреста. Триста. Двести. Сто.

Он поймал себя на мысли, что волнуется. Для него это было нонсенсом, его отучили волноваться давно, еще когда привезли в тюрьму и сказали, что он должен казнить преступника. До этого они убивали птиц, потом кошек, потом овец, потом лошадей – и вот теперь человека. Он был одним из немногих, кто сумел после этого подойти и отрапортовать по всей форме.

– Машина остановилась. Она выходит. Идет к дому...

Он уже стоял на ногах и слышал, как работает цепной механизм, выбирая ворота...

– Машина пошла.

– В какую сторону смотрит?

– На дверь. Заходит.

Он вломился в гараж одновременно с машиной. Сердце колотилось как сумасшедшее.

– Зашел.

Ответа не было.

– Зашел, прием.

Ответа не было. Он понял, что система безопасности сложнее, чем он думал, – все средства связи во всех диапазонах, вероятно, поступают сначала на местную станцию и только с нее – на вышку или дирижабль сотовой связи, это дорого, но действительно, большая часть используемых полицией или спецслужбами маяков или подслушивающих устройств сразу теряется – у них нет «прописки», мало того, система может еще и выследить чужаков. Он поспешно, словно корпус обжигал ему руки, выключил свой криптофон, сунул в карман и направился к двери.

Дверь запиралась на криптозамок, он подобрал карточку – дверь открылась. В свое время он заплатил за комплект карточек сто тысяч бывшему моссадовцу, потерявшему работу и продававшему что у него было. Нож был в руке, прямым, а не обратным хватом, он шел вперед, и ноги его оставляли грязные следы на полу. Но ему было на это плевать...

В просторном холле он заметил то, от чего по спине пробежал холодок, – включенный ноутбук! Он стоял на столике так, чтобы было видно от двери и изображение мигало – незаконное проникновение! Твою же мать! Но никто не реагировал на это – он слышал шум шагов, мелодичный голос женщины... сумочка! Небрежно брошенная на столик рядом с дорогим дизайнерским зонтом. Она даже не посмотрела на компьютер! Сам не зная зачем, он пересек холл, приоткрыл сумочку – и, чувствуя, как бьется сердце, уставился на рукоять револьвера. Он сразу понял, что это – «Смит Вессон», лучший из серийных, судя по виднеющейся части рамки – сплав скандия и титана. Дорогое, качественное, смертельно опасное оружие – от пяти до восьми патронов, либо сорок пять лонг кольт, либо – триста пятьдесят семь магнум. И тот и другой – при правильно подобранной пуле – шансов не оставляют...

Он обернулся – и увидел, что она смотрит на него, по инерции держа мобильник у уха.

Он бросился бежать за ней и догнал в конце коридора. Перехватил и ударил ножом в почку, сразу почувствовал, как она обмякла – смерть почти мгновенная. Медленно опустил ее на пол, выдернул нож и увидел, как она умерла.

Какая-то холодная дрожь прошла по всему телу – и опять появилось ощущение, что за ним смотрят...

Надо было ударить ее ножом еще раз, но он не стал этого делать. Надо было сделать это, пока он не видел ее лица. А теперь – поздно. Он забрал телефон, очень дорогой «Верту», затем вернулся в холл, забрал ноутбук, пошарил в сумочке, забрал наличку и карты. Подумал, не стоит ли взять револьвер, но решил этого не делать – вдруг там чип?²⁵

Подумал, что надо поискать сейф, но решил не рисковать... вдруг еще одна система сигнализации... да и чувство взгляда не проходило. Нож он бросил там... отпечатков на нем все равно нет. Тем же путем вернулся и вышел из дома, активировав экстренную систему открывания двери гаража... плевать, что увидят. Дело сделано. Вернулся к напарнику, который ждал его на опушке роши...

– Почему не отвечал?

– Там глушилка.

Напарник понятиливо кивнул.

– Идем.

Они вернулись в «Рейнджровер». Ликвидатор снял с себя всю одежду, бросил поверх бахилы, вылил сверху кучи барахла флакон жидкости для розжига и поджёг. Метнулось вверх пламя. Из багажника он достал новый костюм и туфли, стал переодеваться прямо в машине.

– Все хорошо? – спросил напарник.

Он не ответил. Переоделся, затем уставился на свои пальцы. Там ничего не было.

– Едем?

Не ожидая ответа, напарник тронул машину с места.

²⁵ В Соединенном Королевстве все гражданское оружие было чипованным, чип собирал информацию, и ее можно было прочитать полицейским ридером. Конечно, информацию и стирали и подделывали – не без этого.

Лондон, Англия. 17 июля 2037 года

*Не дожить, не допеть, не дает этот город уснуть
И забыть те мечты, чью помаду не стер на щеке
В эту белую ночь... твои лоды, шаги, как враги,
В обнаженную ночь... твоя медная речь – острый
меч
В эту белую ночь, да в темные времена...*

Ю. Шевчук «ДДТ»

Похороны были страшными...

Из Уральска я добрался до Лондона прямым рейсом. В пути сидел и думал. Проклинал себя. Мне следовало догадаться, что они сделают ответный ход. Это их конек – наносить удары по тылу, атаковать слабых. Это моя ошибка – я подумал, что у меня нет семьи и меня не за что зацепить. Получилось что есть. И зацепили.

Ублюдки.

Кто... я даже не сомневался. В Великобритании, как и в любой другой стране, которая раньше принимала беженцев, есть ячейки Глобального джихада Салафи. Они разные... часть маскируется под внешне примиренческие движения, типа берущей основу в Кувейте Аль-Васатыйи, часть – более политизированные и радикальные движения типа Хизб-ут-Тахрир – в отличие от васатистов, лицемерно осуждающих насилие, эти ведут происламскую пропаганду, выставляя мусульман пострадавшими от всего мира, а также ведут первичную вербовку в мигрантских кварталах, раздают бесплатные экземпляры Корана, приглашают на встречи. Обычно пропагандиста Хизб-ут-Тахрир зацепить нечем – он всего лишь ведет пропаганду среди сверстников, разъясняет им необходимость соблюдения норм шариата, приглашает на сборища в молельные комнаты, где вместе совершают «правильный», то есть ваххабитский, намаз. Если ты пошел на это сборище, то, скорее всего, пропал. Их излюбленная тактика – вербовка через насилие. Ты начинаешь ходить на это сборище – и однажды тебя избивают несколько неонацистских громил. А то и инсценируют нападение на молельню. Это могут быть даже самые настоящие неонацисты, не подставные, которым вербовщик сообщил о наличии там-то и там-то молельни. Цель – на примере, на собственных сломанных ребрах и выбитых зубах показать неوفиту, что общество враждебно к нему, а мусульмане и их религия нуждаются в силовой защите. Так неофит попадает сначала в спортзал в нехорошем пригороде, где рулят правоверные, потом ему предлагают вступить в районный джамаат самозащиты, потом вяжут кровью. Потом могут переправить в Халифат – там за несколько лет выкуют настоящего бойца – джихадиста. Новые документы купить несложно, а такой боец-джихадист отлично, лучше, чем любой приезжий из Халифата, ориентируется в обществе, знает язык, что сколько стоит, куда надо ходить и куда не надо, – черт возьми, он родился здесь! Так куется террор.

Из аэропорта Темз Хаб²⁶ я взял такси. Назвал водителю адрес... водитель был смуглым и бородатым, как и большинство водителей лондонских кебов. И хотя в нем не было ничего от ваххабита – ни сбритых усов, ни коротких штанов, – я поймал себя на мысли, что хочу его убить.

Дом мой... мой, мать твою дом – был оплетен желтой полицейской лентой как паутиной, черт его дери. На подъездной дорожке скучал полицейский «Лендрровер» в желто-синем

²⁶ Новый британский аэропорт вместо Хитроу, построенный в устье Темзы.

колере. Стоило только мне выйти – двое полицейских из антитеррористического отдела вышли из него. Один приблизился, второй страховал от двери.

– Сэр, вы мистер Влад Волков?

– Он самый.

– Сэр, прошу проследовать с нами.

– С какой стати?

– С вами хотят переговорить, сэр.

– В таком случае где мой адвокат?

– Сэр, насколько мне известно, речь не идет о предъявлении каких-либо обвинений. Простая формальность.

Если кто-то говорит, что в Англии больше прав, чем у нас, неотесанных русских, господа, не верьте. В России я могу расширять пальцы как угодно на полицию, послать ее куда подальше – и общество это поймет, потому что все испытывают к полиции ровно такие же чувства. Здесь меня просто не поймут. Даже если полиция не права. Здесь в подкорку вбито уважение к полиции, равно как у нас вбито неуважение. Вот и говорите про демократию.

– Вещи в доме можно оставить?

– Сэр, если их немного, вещи вы можете взять с собой.

«Лендрровер» доставил меня к зданию нового Скотланд-Ярда, где я был обыскан и просвечен перед тем, как оказаться пред ликом бесцветного лондонского сыскаря по фамилии Лестрейд...

Ага. Это шутка такая.

На самом деле лондонского сыскаря из легендарного Скотланд-Ярда звали Мохаммад, и я с трудом сдерживал себя от того, чтобы убить его. Несмотря на то что при мне не было настоящего оружия, керамическое лезвие у меня было, его не нашли. И я мог перерезать ему горло за три секунды. Ровно за три секунды.

Сыскной полицейский по имени Мохаммад проматывал страницы первичного полицейского репорта на экране своего ноута. Потом спокойно сказал:

– ...Моего брата в семнадцать лет избили до полусмерти неонацисты. Выздоровев, он связался с Исламским государством. Покинул Великобританию, отправился, как он говорил, делать хиджру в страну правоверных. Он считал, что в Великобритании он не может быть правоверным мусульманином. Я пошел в армию. Потому что у нас с братом никогда не было согласия, с самого детства мы смотрели на мир по-разному. Через некоторое время он прислал мне флешку, где сказал, что я муртад и мунафик, и угрожал смертью.

– Мне нет до этого никакого дела.

– Нет, есть. В наши времена сложно доверять друг другу. Хотите знать, что было дальше?

...

– Я застрелил его. Я служил в спецподразделении. После этого мой отец и все мои родственники отреклись от меня. Рано или поздно кто-то из моей общины, моего народа застрелит меня, и они будут считать, что отомстили. По факту же если они кому-то и отомстят, то только самим себе...

– Это допрос? – вместо ответа спросил я.

– Разговор. Вам известно об обстоятельствах смерти вашей... герлфренд.

– Жены.

– Жены...

– Нет.

– Ее убили в доме, на первом этаже. Зарезали ножом. Там, где я служил, это называлось «фулл-контакт».

Полицейский протянул мне лэптоп.

– Посмотрите?

– Нет.

– Я бы сказал, тот, кто это сделал, делал это не первый раз. Он ударил ее ножом в почку. Мне кажется, что он мог бы убить другим способом. Но он этого не сделал. И мне кажется, это своего рода послание. А так как в модельном бизнесе вряд ли водятся искушенные убийцы, полагаю, это послание вам, мистер Волков.

Я молча сидел и ждал продолжения беседы. О, я умею ждать. И сейчас подожду... я не гордый. Подожду.

– В доме было оружие? – резко спросил полицейский по имени Мохаммад.

– Это допрос?

– Нет, беседа.

– Не знаю.

– В сумочке мисс Кокрятски мы нашли револьвер триста пятьдесят седьмого калибра. Очень профессиональное оружие – ствол два дюйма, титановый сплав и боеприпасы Хорнади Критикал Дефенс. То самое, что можно порекомендовать для самообороны. Вы знали о наличии у мисс Кокрятски огнестрельного оружия?

– Не знал.

– Тем не менее оно у нее было. И сумочка была менее чем в десяти футах от того места, где он напал на нее. Но она не смогла воспользоваться оружием. А второе и главное – у вас очень профессиональная система охраны. Но каким-то образом тот, кто проник в ваш дом, сделал это, не отключая системы. И при этом она не заметила его. Также мы полагаем, что убийца не обыскивал дом и ничего не взял.

Я промолчал. Это можно было сделать, но непросто. Очень непросто. Понятно, что Настя... если бы увидела, что система уже отключена, почувствовала бы опасность. И она знала, что делать. Я ее учил. Если чувствуешь опасность – тут же немедленно разворачиваешься и уезжаешь. Плевать на все. Никакого геройства.

– К чему этот разговор?

Полицейский по имени Мохаммад спрятал ноутбук в стол.

– Простая формальность. Формальный вопрос: вы убили мисс Стейси Кокрятски?

– Нет.

– Вы знаете, кто или по каким причинам убил мисс Стейси Кокрятски?

– Нет.

– В вашем доме хранились крупные суммы наличными или другие ценности?

– Нет.

– В таком случае вы свободны.

Я встал.

– Мистер Волков.

...

– Нам известно про то, что до эмиграции в Великобританию вы служили оператором в русском спецназе. Мы знаем, что такое спецназ и что такое русские. Поэтому от имени суперинтенданта полиции я выношу вам предупреждение о недопустимости любого рода криминальных действий. Поверьте, если вы что-то знаете о произошедшем, для всех, и для вас, и для нас, будет лучше, если вы сообщите нам. Также прошу сообщить нам, если вы обнаружите пропажу чего-либо из дома. Полиция во всем разберется.

– Я могу идти? – вместо ответа спросил я.

– Ваш пропуск.

Я бросил на стол карточку временного пропуска, полицейский прокатил ее по приемному устройству. Бросил обратно.

– Можете идти...

У нас бы к этому непременно прибавили «пока». Но полицейский по имени Мохаммад так не сказал.

Ловить такси у Скотланд-Ярда мне не пришлось. Едва я прошел КП в обратную сторону, ко мне подошли. Двое, профессионально неприметные, в приличных костюмах. Я резко остановился, ожидая развития.

М16, скорее всего. Или М15.

Опять...

– Сэр, вы господин Волков?

– А кто спрашивает?

Вместо ответа один из них достал нового образца удостоверение. Это было не удостоверение сотрудника М16 или М15. Это было удостоверение сотрудника Группы правительственной охраны, выделенного из М15 после убийства короля Вильгельма.

– Машина далеко?

– Рядом, сэр. В переулке.

В Букингемском дворце теперь были установлены самые современные системы безопасности, включая и газоанализаторы последней модели, больше похожие на камеры для казни газом. Говорят, что их даже выпускает одна и та же фирма... хотя устроят ли смертной казни те, кто готов умереть, только чтобы убить как можно больше людей²⁷. Оружия у меня не было – только что с рейса.

Мы прошли коридорами Букингемского дворца, после чего меня еще раз обыскали, теперь уже вручную, и открыли передо мной дверь какой-то угловой комнаты. В комнате, у окна, стоял Король и смотрел в окно на Конститьюшн...

В отличие от своего рано поседевшего брата король Георг VII был отчаянно рыжим, как ирландец, у него было простоватое лицо и располагающая улыбка. Он носил бороду и сейчас был в довольно скверном костюме, купленном в супермаркете, в каком Короля не ожидаешь увидеть. Король жестом отпустил охрану и приблизился ко мне.

Керамический нож я сдал добровольно. Хотя мне и в голову не пришло бы применить его против Его Величества. Хотя бы потому, что давным-давно, еще до войны, Король сражался в Афганистане, взял два тура, как тут принято говорить. Он был пилотом боевого вертолета «Апач», имел позывной Вдова восемь – шесть²⁸. Этот факт заставлял меня с уважением относиться к Его Величеству как к человеку даже с учетом того, что монархию я не уважал.

– Господин Волков...

– Сир...

– Просто Гарри.

В отличие от своего брата, который трагически погиб и так и не смог до конца решиться, у короля Георга VII было мальчишеское обаяние и навык быстро принимать очень жесткие решения. Чего и следовало ожидать от пилота боевого вертолета. И если в первые три года его правления уровень уличного насилия в Англии был запредельный, с автоматными перестрелками по ночам, то сейчас он медленно, но верно шел на спад. Я, как человек, занимающийся охранным бизнесом, могу это подтвердить.

– Сир, я военный человек.

– Как знаете. Мои соболезнования.

– Благодарю, сир...

²⁷ Король Вильгельм V погиб 21 июня 202.. года при взрыве в Букингемском дворце. Взрывное устройство на день рождения Его Величества пронесла давняя подруга семьи, дочь родовитых британских аристократов, дальняя родственница короля. Родители не заметили, как их дочь приняла радикальный ислам.

²⁸ Реальный позывной.

Король показал на угловую группу – два кресла и столик между ними. В открытое окно лился глухой уличный шум. Дрон – охранник – бесшумно проплыл мимо окна.

Король собственноручно разлил бренди.

– Я слышал, вы делаете важное и нужное дело на границе с Периметром.

– Сир, либералы назвали бы это беспощадным и бессмысленным террором против мирного населения.

– К черту либералов. Я хочу поучаствовать деньгами. У вас ведь частное предприятие.

– Сир, со всем уважением вряд ли это будет уместно.

– К черту уважение. К черту уместности. Помните, как говорили лет сто назад. Англия ожидает, что каждый на своем месте выполнит свой долг.

– Сир, у Англии нет никакого долга.

– Есть у меня. Старый должок, который я так и не могу отдать. Догадываетесь, какой?

...

– Я воевал там. Я ушел оттуда до того, как мы одержали победу. Значит, я проиграл. Моя страна проиграла. Я не думаю, что смогу вернуть этот долг, но хотя бы начну отдавать.

Я посмотрел в глаза Его Величеству. Потом молча достал свою визитку, по памяти написал на обратной стороне реквизиты.

– Это будут мои личные деньги, – сказал Король, – пусть не так много но... что есть. И... кажется у вас были проблемы с контролирующими органами?

Проблемы действительно были. Я пытался разместить заказ на сто винтовок «sc127 thunderbolt rifle», одних из самых точных в мире, с автоматическими прицельными комплексами. Мне в этом отказали.

– Не то чтобы проблемы...

– Больше проблем не будет, – безапелляционно заявил Король, доставая свою визитку и расписываясь на обратной стороне, – если же будут...

Я взял визитку. Наклонил голову.

– Благодарю, сир...

– Нам обоим есть за кого мстить, верно?

– Да, сир. Верно.

Когда русский ушел, в комнате открылась другая дверь, и вошел неприметный человек, лицо которого было... как бы застывшим. Это был коммодор²⁹, барон Чарстон, бывший оперативник SBS – специальных лодочных сил Его Величества, ныне занимающий должность DSO – директора специальных операций, подчиненного лично Его Величеству. Лицо у него было такое после операции – еще в молодости барон сильно обгорел в Сирии, когда машина, в которой он ехал low profile³⁰, подорвалась на фугасе.

– Сир?

Король кивком головы разрешил говорить.

– За ним следят. Мы установили машину.

Король принял сверхтонкий телебук, экран которого развернут для удобства, как на планшете, с интересом посмотрел на проталкивающийся через пробку где-то в окрестностях Лондона «Рейнджровер» бело-лунного цвета.

– Внутри, судя по сканированию, два человека. Вероятно, с оружием. Прикажете действовать?

– Не сейчас, – сказал Король.

²⁹ Звание было восстановлено.

³⁰ То есть в гражданской одежде и на гражданской машине, тайно.

– И еще, сэр. Эту машину мы прогнали по базам данных. Эта машина засвечена по базам данных, судя по всему, они следят за русским несколько месяцев. Она же замечена на двадцать пятой, у нас есть доказательства того, что люди, находившиеся в этой машине, следили за мисс Кокрятски, причем как минимум трижды. Конечно, это косвенные улики, их недостаточно для предъявления обвинения в убийстве.

– Здесь не суд, – сухо сказал Король.

– Да, Ваше Величество.

– Дождитесь, пока люди в «Рейнджровере» предпримут активные действия. Тогда берите их. По возможности живыми, но не рискуйте.

– Да, сир.

– Моего позволения не требуйте. Оно у вас уже есть.

– Я понял, сир.

– Можете идти. Отличная работа...

Уэльс. 17 июля 2037 года

Я не смог заставить зайти себя в дом.

Обошел его, отсчитал четвертый кирпич слева, ножом отковырнул его и достал небольшую камеру. Она питалась от перепада температур между днем и ночью, кроме этого, имела и встроенный аккумулятор, а ее окуляр был размером со спичечную головку. Чтобы сохранить объем памяти, она делала один кадр в минуту.

Карта памяти была стандартной от мобильного телефона. Я вставил карту в телефон, перемотал, уставился на экран, увеличил...

Так вот ты какой, тварь...

Больше в Лондоне меня ничего не держало. Более того, я вдруг осознал, что этот город стал мне ненавистен. Возможно, это пройдет. Но вряд ли. Я знаю себя – вряд ли.

Я вдруг понял, что потерял ту женщину, которую любил, причем она, наверное, даже не знала, какие чувства я к ней испытываю. Я просто и сам этого не понимал. Я вдруг понял, что Настя была против того контракта на Востоке, но ничего не сказала, потому что я так поставил наши отношения. А она была права – и не только из-за того, что случилось. Она поняла, что, если я уеду на Восток, я опять выпаду из относительно мирной жизни мегаполиса, да, страшного, грязного, опасного, но не идущего ни в какое сравнение с Дар уль-Ислам, землей ислама. А возвращаться в эту нормальную жизнь сложно. Не факт даже, что возможно.

Но я теперь и не собирался возвращаться...

В свою очередь, Ликвидатор беспокоился все больше и больше.

Официально он и его напарник числились погибшими при катастрофе военно-транспортного конвертоплана где-то над Дикими территориями. Вместе с ними погибли двадцать их сослуживцев и экипаж боевого конвертоплана. Собственно, это было недалеко от истины. За исключением того, что это он подстроил катастрофу. И остался жив потому, что знал, как это произойдет.

Так он отомстил своему государству за преследования мусульман и больше не задумывался об этом. Он не оглядывался назад, потому что тот, кто оглянется, превратится в камень.

Он проснулся, когда они ехали уже за пределами Лондона. Был хороший, солнечный день, солнце переливалось бликами на капотах встречных машин. Но он ощущал беспокойство.

- Где мы?
- Мы на М5, – ответил напарник.
- Почему мы здесь?
- Клиент едет в сторону Оксфорда.
- Зачем?
- Не знаю.
- Ты следишь за ним?
- Да...

Картинка была выведена на лобовое стекло машины, с помощью визуализатора. Ликвидатор взял ноутбук, подключился к дрону и наблюдал за идущей в дорожном потоке машиной. Это был такой же «Рейнджровер», как и у них, только черный.

– Почему ты следишь за этой машиной?

– Это машина русского. Он оставил свою на аэропортовской стоянке и взял напрокат эту.

В Герце.

Ликвидатор понял, что надо действовать. Подозрения, как кирпичики в стене, сложились в уверенность.

– Скорее всего, он едет в свой тренировочный центр. У него тренировочный центр в Уэльсе. Для гражданских.

Ликвидатор отключил картинку от дрона с ноутбука и вошел в Интернет. Двадцать минут поисков и несколько звонков – и он уже знал, что надо делать...

Утром следующего дня бело-лунный «Рейнджровер» Ликвидатора стоял в Кардиффе, столице Уэльса, напротив Дар уль-Исра, мусульманского благотворительного и просветительского центра. Это было перестроенное в последнее время и сильно выросшее в размерах здание, одно из многих, которое обслуживало огромную мусульманскую общину города. До войны количество мусульман в городе доходило до трети от общего числа его жителей, сейчас было равно примерно четверти – кого-то убили, кого-то депортировали. Оставшиеся в живых правоверные принесли клятву верности Его Величеству и обещали больше никаким образом не поддерживать экстремистов.

Публично они их и не поддерживали.

Ликвидатор держал на коленях ноутбук, на экране которого была фотография человека. Когда нужный ему человек появился у ворот исламского культурного центра, он хлопнул напарника по плечу, и «Рейнджровер» покатился вперед.

Имам шел к автобусной остановке, у него были деньги, чтобы содержать машину даже с нынешними ценами на бензин, но он демонстративно ездил на автобусе, выказывая этим свое смирение перед Аллахом Всевышним и готовность в любой момент претерпеть мучения от неонацистов, которых в городе хватало. «Рейнджровер», работающий сейчас только на электричестве, бесшумно подкатил и двинулся рядом с имамом в темпе пешехода. Поползло вниз тонированное стекло.

– Ла Иллахи илла Ллаху Мухаммад расуль Аллах, – произнес Ликвидатор шахаду, подтверждая свою принадлежность к правоверным.

Имам равнодушно посмотрел в сторону машины и продолжал идти.

– Ты не окажешь помощь брату, оказавшемуся в затруднительном положении? Это и есть твой иман?

– Можете не стараться, – равнодушно сказал имам, – меня это не интересует.

Имам остановился на автобусной остановке и рядом – остановился «Рейнджровер». На автобусной остановке стояли еще несколько человек, все – в штанах до середины голени и с короткой бородкой без усов. Они начали недобро присматриваться к «Рейнджроверу», а кто-то оглянулся в поисках камня или палки.

– Тебя не интересует вера твоих отцов?

– Оставьте меня в покое, – сказал имам, – я ничего не хочу знать. Меня не интересуют никакие незаконные действия.

Один из мусульман агрессивно пнул ногой по передней двери «Рейнджровера».

– Валите отсюда, свинюеды!

– Твой двоюродный брат, который в отличие от тебя встал на путь джихада, – передает тебе привет...

Имам вздрогнул. У него, пакистанца по происхождению, была другая ветвь семьи – в Пакистане. Но они никогда не теряли связи – как британская, так и пакистанская ветвь этой семьи были связаны одним барадари – то есть братством. Барадари – это группа из нескольких крупных родов и семей, могущая включать в себя от пятидесяти до двухсот совершеннолетних мужчин, объединившихся на основе этнической и территориальной общности (выходцы из одного населенного пункта, вилайета, района крупного города), поклявшихся помогать друг другу в сложных жизненных обстоятельствах. Пакистанская ветвь семьи имама погибла в результате атомной бомбежки Пешавара индийскими ракетами, только поэтому британские спецслужбы сочли его безопасным и разрешили преподавать шариат и читать проповеди. В

бардаке они не заметили, что один из представителей пакистанской ветви рода выехал в Египет, обучился там на краткосрочных курсах, которые вели выпускники мусульманского университета Аль-Азхар, и встал на джихад.

– Меня это не интересуется, – сказал имам, – оставьте меня в покое.

– Он сказал, что в детстве ваш отец звал вас хиджи. Он любил вас...

Камень хрустко ударил по стеклу, но так как стекло было бронированным, на нем не осталось и следа...

– Халас! – сказал имам.

– Ты боишься харбиев и их спецслужб больше Аллаха Всевышнего? – поинтересовался Ликвидатор. – Скажи: достаточно мне Аллаха, он – лучший из защитников.

Имам шагнул вперед – и Ликвидатор открыл перед ним дверь...

В одной из едален Кардиффа, которая принадлежала индусу по национальности и потому мало интересовала, Ликвидатор заказал большое блюдо риса с карри. Они должны были есть его вдвоем, руками – напарник Ликвидатора остался в машине, он даже не подумал присоединиться к трапезе, потому что каждому – свое.

– Что ты знаешь про моего брата, – спросил имам, угрюмо смотря на Ликвидатора, – если я сам не знаю о нем почти ничего?

– Знаю только то, что он жив и по-прежнему стоит на джихаде. Я не видел его лично и не знаю его – есть только записи в компьютере.

...

– Если бы я был одним из харбиев, а твой двоюродный брат был бы нами схвачен, я бы придумал кое-что получше, верно?

– Кто ты? Ты не похож на одного из братьев.

– Верно. Но я правоверный. Ла Иллаха илля Ллагъ.

– И когда ты последний раз вставал на намаз?

– Давно. Но не ты ли говорил своим слушателям, что джихад – лучший из ибадатов, и человеку, находящемуся на джихаде, позволительно не исполнять никаких других ибадатов?

– И что тебе нужно?

– Помощь.

– Какая?

– Несколько человек, которые умеют стрелять. И знают, ради кого они стреляют.

Имам саркастически улыбнулся.

– Чему ты улыбаешься, брат?

– Жизнь трудна, верно? Путь полон опасностей.

Ликвидатор встал из-за стола, оставив блюдо нетронутым.

– Поехали.

– Куда?

Вместо ответа Ликвидатор сунул руку в карман легкой куртки-ветровки, которая в этих краях была уместна даже в летнее время, – и имам понял, что там оружие.

– Ты знаешь какую-то школу?

– Что?

– Школу, ублюдок!

Имам испугался. Впервые Ликвидатор показал свое истинное лицо – даже в голосе лопнутой басовой струной продребезжала угроза.

– Школа. Какие здесь школы? Где самая ближайшая?

– ...Южная школа!

– Это хорошая школа?

– Да... но зачем вам?

– Сейчас увидишь.

Через несколько минут «Рейнджровер» остановился недалеко от школьного здания. Школа была большой, с собственным садом, новопостроенным интернатским корпусом для детей, которые жили в школе, несмотря на то что это была публичная школа – она была хорошей, тем более что эту школу, как и все оставшиеся публичные школы Великобритании, финансировал Его Величество Король из собственных средств. Школьников легко было узнать по насыщенному синему цвету формы с маленьким, золотистым гербом Его Величества.

Ликвидатор достал из бардачка «ЭМП», проверил заряд батареи и втокнул плоскую батарею суперконнектора обратно.

– Во имя Аллаха, что вы делаете?

– Полагаю, вы мне так и не поверили. Считаете, что я один из харбиев, тиранов. Полагаю, что вам настало время сделать выбор.

– Какой выбор?

– Дети. Те, которые в форме. Выберите одного из них – и я его принесу Аллаху. Если бы я был харбием – я бы ни за что такого не сделал, верно?

Имам в ужасе посмотрел на Ликвидатора, потом перевел взгляд на его водителя, похожего на него как две капли воды.

– Вы... вы это серьезно?

– Вполне. Итак... вон та девочка. Светлые волосы. Она вам нравится?

– Это безумие!

– Это недостаток веры. Разве вы сами не говорили, что жизнь любого неверного разрешена? Чем эта девочка отличается от любого другого неверного? Почему ей следует продолжать жить?

– Но это... начнутся погромы.

– Не переживайте. Не начнутся. А если и начнутся, это будет для вас еще один способ продемонстрировать крепость своей веры. Может, вы сами попробуете?

Имам в ужасе посмотрел на протянутый рукояткой вперед пистолет. Он не мог поверить, что это происходит с ним на самом деле...

– О, Аллах, освободи меня от козней...

– Ясно... поехали.

«Рейнджровер», переведенный в полностью бесшумный, электрический режим, плавно ускорился. Ликвидатор опустил окно – и в нужный момент, только тогда, когда их обгонял грузовик, сделал три выстрела. Через мгновение грузовик закрыл обзор, и никто, ни они сами, ни бубнящий что-то бессвязное имам, не увидел, как девочка со светлыми волосами сделала два нетвердых шага, а потом упала на тротуар как марионетка, у которой разом обрезали все нити.

«Рейнджровер» еще ускорился. Вряд ли даже камера его взяла. Но если бы и взяла, на номере была специальная нанопленка, и если невооруженным глазом – читался один номер, то камера видела совсем другой. Это был номер другого точно такого же «Рейнджровера», принадлежащего бедняге (не в имущественном смысле слова) адвокату из лондонского Сити. Если полиция пойдет по следу автомобильного номера – этому адвокату придется пережить немало неприятных минут, давая объяснения антитеррористическому отделу Скотланд-Ярда. А все дело было в том, что в Солихалле, где производились эти машины, на одном из постов работал правоправный мусульманин, и он умудрялся делать так, что из ворот фабрики время от времени выкатывались два автомобиля с совершенно одинаковыми исходными данными.

Один покупал какой-нибудь лох из Сити, второй попадал по назначению. Даже баг у них был в точности тот же самый³¹.

«Рейнджровер», соблюдая все правила, проехал два квартала и заехал в какой-то дворик. Ликвидатор обернулся и хлестнул бубнящего молитву имама по лицу.

– Тот, кто проповедует, несет людям весть о Часе и о Дне, и сам в это не верит – тот есть мунафик, лицемер. Лицемерие – большой грех в шариате, лицемер – не то что не попадет в рай, но даже не почует его запаха. Итак, у вас есть знакомые, кто хочет сделать благое дело и при этом подзаработать? Или я в вас ошибся?

Имам в ужасе закивал головой так, что того и гляди – оторвется. Мунафик – мунафик и есть. Да простит его Аллах.

Имам позвонил из автомата и договорился с кем-то, как он сказал, с амиром, который был главным в каком-то там спортзале-качалке. Он сказал, что там правильные ребята, которые только и мечтают о том, чтобы сделать джихад. После чего Ликвидатор связал амира и посадил его в багажник, чтобы тот не смог настучать полиции...

Спортзал – Гум, как их тут называют, – был в проулке. Он был размещен в каком-то устаревшем муниципальном здании, в котором была... шляпная фабрика когда-то, кажется. Большинство тех, кто здесь ошивался, были пакистанцами, далее шли индонезийцы, арабы из Саудовской Аравии и Йемена, потом африканцы, с которыми тут была напряженка, несмотря на то что они были «братьями в исламе». Кто из этих молодых людей бежал от джихада, а кто приехал, чтобы принести джихад и сюда, было непонятно, тем более что и особой разницы в поведении не было, что у одних, что у других. Тут же тусовались и телки местных мачо, в основном не мусульманки, а так называемые trash. Первые – ни к чему не годные, с грехом пополам окончившие публичную школу, живущие на пособие и случайными приработками, в том числе и проституцией, особо не следящие за собой, с самой молодости злоупотребляющие спиртным, шатающиеся по стране без цели – рюкзачок за спиной с обязательной бутылкой водки, джина или мартини – непременный атрибут таких. Вторые – suicide girls – внешне отличаются огромным количеством татуировок, примерно таких, какие делают себе японские якудза, в основном дети мигрантов из стран Восточной Европы, не нашедшие себя в жизни, тусующиеся с рокерами, с солдатами Его Величества и с мусульманскими подонками из пригородов – эти обычно работают, танцуют стриптиз, go-go или работают официантками в барах и клубах. В общем, тот еще контингент.

На фоне всей этой шпаны Ликвидатор выглядел более чем достойно. Когда-то у него были узкие глаза – но он, как и его напарник-водитель, сделал операцию, и глаза у него были почти нормальные, в самом облике Ликвидатора было чуть-чуть азиатчины, он выглядел плодом межрасового брака и настоящим гражданином мира. Он был чуть повыше Брюса Ли, его рост был сто семьдесят шесть сантиметров – немного выше среднего азиата и немного ниже среднего европейца. Он был одет в брюки свободного покроя и легкую куртку. Лишь присмотревшись, можно было понять, что и то и другое сделано из специального материала, который внешне выглядит как ткань – но его нельзя, например, разрезать стеклом. Внимание профессионала могли бы привлечь и кроссовки – необычные, тактические, с защитой пальцев и подошвой с тонкой вкладкой из материала, не уступающего по прочности стали, – не пробьется, даже если наступить на гвоздь.

Ликвидатор вышел из машины. Справа был тот самый гум, до его входа было метров двадцать, и рядом с ним, как всегда, тусовалась компания. На чужака они внимания не обра-

³¹ Баг – сверхсовременное портативное электронное устройство, связанное с банковским счетом владельца, обязательная принадлежность любой машины в УК.

тили, потому что такой был местный «стрит-код» – правила поведения на улице, контролируемой диаспорой. Стрит-коды теперь были везде.

– Ас саламу алейкум, – сказал Ликвидатор.

Ноль внимания. Ликвидатор подошел ближе.

– Я ищу Сулеймана. Вопрос – он здесь?

Ноль внимания. Старый «Мондео» остановился и перекрыл выезд из проулка. Конечно, не для бронированного «Рейнджровера» с решительным водителем за рулем, но этого никто не знал.

Ликвидатор отодвинулся в сторону. Пули рванули одежду, плоть, ударили в стену, оставив кратеры. Кто-то болезненно вскрикнул, кто-то упал на землю – видимо, послужил в армии и побывал под обстрелом.

Теперь внимание было привлечено. Один из gum-freaks, джим-фриков, сделал шаг в направлении Ликвидатора и замер. На черной кожаной куртке, прямо напротив сердца, пульсировала почти неподвижная красная точка. Водитель «Рейнджровера» через опущенное стекло целился в отморозков из «V&T APC300» под патрон «300whisper». Звук выстрелов частично скрывал глушитель, а частично – салон машины.

– Ты кто такой, мэн? – спросил он на английском.

– Сказано, а если правоверный приветствует вас, то приветствуйте его тем же или еще лучшим. Повторяю вопрос: Сулейман здесь или куда-то ушел?

– Ты чо, муслим?

– Клянусь Аллахом, терпение мое начинает иссякать.

– Тебе чо надо? Ты кто такой? – продолжал лепить предьяву уличный подонок, даже не догадываясь, кто перед ним. Если бы догадывался, то, наверное, в попытке сбежать полез бы на мусорную кучу у стены.

Ликвидатор выстрелил из «ЭМП», выхватив его так быстро, что никто не смог понять, что произошло, прежде чем это произошло. Уличный подонок, решивший «тереть базар» с профессиональным убийцей, упал на землю.

– Нога... нога...

– Я приветствовал вас миром, но так и не получил ни ответного приветствия, ни ответа на свой вопрос, – сказал Ликвидатор и пнул по ране валяющегося под ногами ублюдка, – сколько пуль мне придется еще выпустить, чтобы привлечь ваше внимание? Клянусь Аллахом, вы до сих пор живы только потому, что принадлежите к истинной вере. Обычно я не проявляю такой терпеливости.

– Сулейман в зале, – сказал один из правоверных, с крысиной бородкой.

– Меня кто-то проводит?

В зале – как обычно и бывает в дешевых спортивных залах – пахло потом, железом и тестостероном. Кто-то качал железо, один занимался со штангой, еще кто-то тискал девицу в углу, причем она не слишком-то и сопротивлялась.

– Вон Сулейман, – показал провожатый на парня, который жал штангу из положения лежа на скамье.

– Да вознаградит тебя Аллах.

Ликвидатор подошел ближе. Сулейман закончил упражнение, пристроил штангу в держатели и сел на скамье, смотря на незнакомца. На пистолет – а «ЭМП»-пистолет, дорогой сам по себе, говорил о многом – он не обратил никакого внимания.

– Ты кто такой?

– Тебе привет, – сказал Ликвидатор, – от имама Аль-Сабаха.

– И что этот козел про меня сказал?

Ликвидатор достал пачку денег.

- Что ты можешь выполнить для меня грязную работу за наличные. Пойдет?
- Сулейман посмотрел на деньги. Потом на Ликвидатора.
- Ты кто вообще такой?
- Ликвидатор потряс пачкой денег.
- Велика ли разница?
- Сулейман еще раз посмотрел на деньги, встал, побрел к шкафчикам в углу зала.
- Щас оденусь...

Они встретились за городом. Молодые мусульманские подонки подъехали на двух машинах – старом «Ниссане» и «Ситировере», который теперь был китайским, но вроде как его продолжали считать английским. На этих машинах, по крайней мере, были номера, хотя и стоили они столько, что Ликвидатор за наличные, что были в его кармане, мог без труда купить обе.

– Строиться! – приказал он. Дело происходило на одном из заброшенных складов, который Ликвидатор нашел просто наобум.

Молодые мусульмане выполнили приказ. В руках у них было оружие – то, которым они располагали, – но держали они его так, что сразу было понятно – гражданские.

Не самое лучшее воинство. Но другого у него нет.

– Кто-нибудь служил в армии? – спросил Ликвидатор, оглядывая короткий строй.

– Мой брат служил, сэр, – ответил паренек с оливковой кожей и черными, блестящими, как окатанные речной водой гольши, глазами, – он служил в морской пехоте Его Величества. И учил меня и моих друзей.

– А почему твой брат не пришел, если он морской пехотинец? Или ему показалась недостаточной плата?

– Сэр, моего брата нет в Англии. Его начали искать, и он совершил хиджру в земли мусульман и встал на джихад. Но он хорошо учил нас, сэр. Ведь, как сказал Пророк Мухаммад, саяху алейхи Уассалям, обучение войне есть одна из самых почетных профессий, а такой заработок – один из самых почетных.

В общем-то разумно. Нет греха в том, чтобы пойти в армию харбиев, если ты делаешь это для того, чтобы обучиться искусству ведения войны, а потом обучать братьев и самому вести джихад против кяфиров. Ликвидатор осмотрел их оружие. Три автомата Калашникова, остальное – помповые ружья. Один пистолет-пулемет «MP5», пятидесятилетней давности.

– Откуда это у тебя? – спросил он владельца пистолета-пулемета.

– Снял с убитого харбия, сэр! – с гордостью ответил молодой боевик. – Видите, на прикладе следы. Это следы от огня. Мы подстерегли харбиев и бросили в них бутылки с зажигательной смесью, альхамдулиллах. Говорят, что кяфиров ждет огонь, но, клянусь Аллахом, это кяфиры получили достаточно огня еще при жизни. Аллаху Акбар!

– Аллаху Акбар! – поддержали и остальные.

– Сколько у вас гранат? – спросил Ликвидатор.

– У нас нет гранат, сэр.

– А бронежилетов?

– Тоже нет, сэр.

Ликвидатор тяжело вздохнул.

– В этом городе можно купить автоматы и бронежилеты на черном рынке?

– Да, сэр. Но они дорого стоят.

Ликвидатор достал пачку крупных купюр, швейцарских франков.

– Сколько именно?

Он не рассчитывал на то, что эти молодые джихадисты сделают работу за него. Даже если дать каждому по автомату, бронежилеты и пулемет – это не поможет, для эффективного

использования армейского оружия нужно постоянно тренироваться. Но отвлечь внимание и принять удар на себя они смогут. А это даст и ему возможность сделать свое дело и уйти.

И, в конце концов, все будет так, как пожелает Аллах...

– Этого хватит, сэр, – сказал говорливый.

– Вот и отлично, – Ликвидатор вручил ему пачку денег, – ты этим и займешься. И еще одно...

Ликвидатор подошел к машине. Открыл багажник и подозвал всех. Глаза имама были полны ужаса, рот закрывала толстая полоса серого канцелярского скотча.

– Как думаете, если его отпустить, он не настучит?

– Этот педик... – презрительно бросил Сулейман, – от него всего можно ожидать, сэр.

Ликвидатор улыбнулся имаму.

– Видимо, тебя здесь не очень-то любят.

И закрыл багажник.

Его Величество Король находился с неофициальным визитом на базе Королевской морской пехоты в Пуле, графство Дорсет, когда телохранители из личного конвоя сообщили, что Коммодор, барон Чарстон, летит в Пул на вертолете и просит Его Величество задержаться. Его Величество так и сделал, задержавшись на ужин с десантниками и бойцами СБС, основная база которых была здесь же, в Пуле. Для Его Величества повар изжарил стейк, вместе с Его Величеством следовали несколько бутылок отборного односолодового виски из подвалов Букингемского дворца – и морские пехотинцы провели один из лучших вечеров в своей жизни, в компании Его Величества.

Когда от мяса и от виски уже почти ничего не осталось, над базой на правом берегу залива раздался жужжащий звук... это был «ВА609», небольшой конвертоплан, который использовался как бизнесменами, так и правительственными служащими высокого ранга для перелетов: он был хорош тем, что сочетал в себе скорость турбовинтового самолета и возможности посадки на вертолетные площадки – в таком огромном и густозастроенном мегаполисе, как Лондон, это было важно. Этот конвертоплан не имел номеров, положенных для любого гражданского воздушного судна и был выкрашен в радикально черный цвет.

Король поспешил навстречу конвертоплану, за ним пристроились телохранители и несколько спецназовцев, назначенных командованием базы в неофициальный эскорт Его Величества. Случиться по нынешним временам может всякое – и кто защитит Его Величество лучше, чем те, кто знает базу как свои прыщи на заднице.

Это действительно был барон Чарстон, он был в повседневной форме, и лицо его было серым от усталости.

– Сир.

Король понял, что нужно поговорить наедине, и махнул рукой сопровождающим. Они отошли на самый край площадки.

– Со всем уважением, сир...

– Можно без вступлений. Что произошло?

– Операция «Прыжок». Она вышла из-под контроля.

Операцией «Прыжок» называлось отслеживание враждебных действий неких сил на территории Королевства, связанных с военным подрядчиком из России Владимиром Волковым. Дело было важным – настолько важным, что Его Величество счел необходимым быть в курсе всего происходящего. С другой стороны, этим он и подставлялся.

– Каким образом она вышла из-под контроля?

Вместо ответа коммодор достал из папки и вручил Королю фотографию девочки, на вид лет четырнадцати. Она была красивой... даже в ее годы. Маленькая русалка.

– Кто это?

– Линн Маргарет Брекет, сир. Четырнадцать лет, ходила в Южную публичную школу в Кардиффе. Сегодня днем ее застрелили на улице. Мы знаем, Сир, кто это сделал, беспилотник все заснял.

Король помрачнел.

– «Рейнджровер»?

– Да. Три выстрела в спину. Ублюдок дождался, пока будет проезжать грузовик, сделал три выстрела из машины, затем, прикрываясь этим грузовиком, ушел. Если бы не БПЛА – преступление навсегда бы осталось нераскрытым, камеры там были, но пригодных для идентификации снимков нет. Ноль, сэр.

Король медленно передал снимок обратно.

– ... Сир, мне удалось получить результаты полицейского патологоанатомического исследования тела Линн Маргарет Брекет. Согласно заключению coronera, три пули в спину, одна – точно в сердце, почти мгновенная смерть. В качестве оружия использовалось, вероятно, вот это.

В руки Короля попал еще один снимок.

– «Эрликон Е-18». Электромагнитный пистолет, оружие достаточно дорогое, стреляет бесшумно – арбалет стреляет с большим шумом, чем оно, сир. У грабителей такого оружия не встретишь. Теперь у нас есть стопроцентная уверенность, сир, что в «Рейнджровере» находятся не случайные люди и не частные детективы, а группа профессиональных убийц высокого класса. И теперь у нас большие проблемы.

Проблемы действительно были, и очень серьезные. Тот, кто был знаком с западной прессой, понимал, какие именно. Если кому-то из журналистов удастся раскопать концы этой истории – скандал будет до неба. В Великобритании и так сильны антимонархические настроения. Для одних Король недостаточно либерален, для других – недостаточно консервативен. Угодить всем невозможно, не стоит и пытаться. И тем более не стоит пытаться угодить прессе, ей просто не надо давать пищи, совсем никакой. А тут... Король нарушил одно из важнейших принципов монархического правления – Король должен находиться над всеми. Непосредственно Король не должен быть причастен ни к чему. А тут Король сам инициировал это дело, встречался с одним из фигурантов, отдал приказ следить. Все это дурно, очень дурно пахнет.

Сам коммодор не знал, откуда Король взял это дело, откуда и какую информацию он получил. Но теперь он видел серьезную опасность – на территории Королевства находится убийца, профессиональный убийца. И он способен из каких-то там соображений хладнокровно убить ребенка на улице.

– Ваше Величество...

...

– Я изъясил запись с БПЛА с базы данных. Копии нет.

– Мы не будем прятаться, – сказал Король.

– Ваше Величество...

– Заткнитесь, Чарстон.

Король взмахом руки позвал телохранителей.

– Где капитан Манус?

Капитан Майк Манус прибыл менее чем через пять минут. Он даже умудрился выглядеть прилично.

– Сир.

– У меня проблемы, – сказал Король.

– Со всем уважением, сир.

Король показал фотографию Линн Маргарет Брекет.

– Вот эту девочку убили сегодня на улице в Кардиффе. И достопочтенный барон Чарстон может сказать, где сейчас эти сукины дети.

– Сир, только назовите точку высадки.

Барон подошел поближе. Шумно принялся.

– Не смею подвергать сомнению вашу верность Престолу, капитан, – сказал он, – но на вашем месте я бы как следует выпался перед тем, как что-то предпринимать. Так будет лучше для всех нас – и для вас в том числе.

– Со всем уважением, Ваше Превосходительство...

Капитан первого ранга Манус развернулся и заорал:

– А ну строиться, сукины дети! Быстро в строй!

Через минуту с небольшим перед Королем и директором специальных операций Великобритании стоял смешанный строй морских пехотинцев и спецназовцев СБС. Капитан прошел перед строем, остановился около одного из моряков:

– Имя, звание!

– Эвен МакГрегор, капитан, сэр!

– Вы готовы к выполнению боевых задач?!

– Да, сэр!

– Вы сегодня пили спиртное?!

– Нет, сэр!

– Вы уверены?

– Да, сэр!

– Назовите Первых морских лордов, с самого начала!

– Адмирал, сэр Джон Фишер, сэр! Адмирал, сэр Артур Вильсон, сэр! Адмирал, сэр Френсис Бриджман, сэр! Адмирал, принц Луи Баттенберг, сэр! Адмирал, сэр Джон Фишер, вторично сэр! Адмирал, сэр Генри Джексон, сэр!

– Достаточно, – сказал ДСО.

– Вольно, капитан.

– Да, сэр.

В это трудно было поверить – тем более что Король сам видел, как этот парень пил его виски вместе со всеми.

– У нас есть скоростной вертолет, – сказал ДСО, – я отдам вам свой. Там могут поместиться восемь бойцов с негромоздкой экипировкой. Этого достаточно?

– Да, сэр.

– Ваше Величество, со всем уважением, вам лучше вернуться в Лондон...

Как только основные вопросы были утрясены, барон Чарстон подозвал действующего командира СБС.

– Майк, подобные демонстрации не идут вам в плюс. Помните это.

– Сэр, кому, как не вам, знать, что в Королевском флоте служат только лучшие... – сказал действующий командир СБС.

– Откуда они знают имена Первых морских лордов?

– Все просто, сэр. Как только кто-то накосячит – я заставляю его заучить имена всех Первых морских лордов Королевства до следующего утреннего построения. Или имена Пи-Эм³², или еще кого-нибудь. Действует отлично, сэр.

³² Премьер-министров. Англичане обожают аббревиатуры.

Северный Уэльс. Регион Сноудон. 18 июля 2037 года

Самым северным тренировочным объектом, который я создал, был комплекс на горе Сноудон. Одно из северных валлийских графств с потрясающей природой, здесь когда-то добывали медь, и есть заброшенные медные рудники. Здесь мы водим менеджеров и офисных хомячков, купивших дорогой недельный или двухнедельный тренировочный боевой тур³³, в походы. Эти места были очень похожи на те, где тренировались солдаты из 22SAS – тот самый знаменитый тур выживания к водохранилищу Тэлибонт, его проложил еще сам сэр Дэвид Стирлинг, сам опытный походник. Там, кстати, тоже водили туры, место было не закрытым, вполне гражданским, но там все было занято, там заправляли бывшие солдаты 22SAS, мне там было не место. Морду набьют и шины проколют. Я не обиделся и нашел похожее место, даже привлекательнее внешне. Кустарник, холмы, зеленая трава, речушки, горы, небольшие заброшенные деревеньки. Идти достаточно тяжело из-за сырости. Сюда мы приводили лондонских клерков, брокеров, дилеров и менеджеров, давали винтовку, рюкзак и пончо и отправляли вперед. Две трети сдавалось.

Но треть проходила. Уважаю таких.

Именно здесь, в знакомом и безлюдном месте, я решил дать этим ублюдкам бой.

Снайперская пара. Как в старые добрые времена. Посмотрим, кто из нас окажется удачливее.

Со мной решил идти Алекс. Александр, конечно, просто здесь у всех американизированные имена, так удобнее. Даже клиентам – русские имена труднее произносятся. Профессиональный снайпер, я его знал по школе особого назначения в Солнечногорске. Участвовал в уличных боях в Алма-Ате, а где еще – я не знаю, не принято спрашивать. Про Алма-Ату знаю, потому что и сам там участвовал.

Машину я решил не менять. Мало ли, вдруг там жучок или что-то еще. Можно было бы и сменить – но мне неинтересно, чтобы меня потеряли, мне интересно, чтобы меня нашли. Просто заправил машину под завязку, и все.

Из оружия я взял пулемет «GDATP.338 NMLWMMG». К пулемету я взял семьсот патронов в лентах и два пистолета – обычный, «Глок» с глушителем, и электромагнитный «Эрликон».

Алекс, или просто Ал, вооружился оружием, которое собрал себе уже здесь, – Accurate mag того же калибра, что и пулемет, – «338 NM». В оригинале это кастомизированный американский «Savage», самая точная винтовка из фабричных, которые выпускали американцы, доработанный уже здесь местными кастомизаторами из Accurate mag. В качестве второго оружия он взял вошедший здесь же в стандарт «НК МР7А3» в варианте под кейсовый боеприпас. На двоих мы взяли одну палатку (все равно вдвоем спать не придется, один должен быть на стреме), набор снайперского снаряжения, которое было делом Алекса, и я даже в это не лез, некое количество, «не слишком большое» подсоленной воды и питательные батончики «ПауэрБар». И еды, и воды взяли немного – там постоянно дожди, воду при необходимости соберем и очистим, есть и ручьи. Еду тоже можно добыть, в крайнем случае – подстрелить. Там есть кролики, подстрелим, освежем, нарежем на ломтики, посолим и провялим. Мясо лучше всего есть до термической обработки, сырым, провяленным. Высокая температура уничтожает большинство полезных свойств мяса.

С этим всем мы и отправились на охоту. Вопрос только – кто будет охотником. Я – или...

³³ В связи с резким обострением обстановки в мире, повальной криминализацией и нарастанием агрессивности в обществе так называемый «боевой тур» на отпуск стал нормой, его покупали все, порой даже домохозяйки.

Ликвидатор за это время наконец-то добился сносного взаимодействия своих людей.

Он отобрал шестерых, а остальных отправил домой, не отобрав у них те деньги, которые заплатил авансом, чтобы не разозлить их и не навести на мысль об анонимном звонке в полицию. Остальных шестерых он разбил на две команды по три человека, поставив во главе одной из команд Сулеймана, а во главе второй – парня, у которого брат служил в армии, его звали Абдулхасан.

Патронов для тренировок было недостаточно. Времени тоже. Стрельба могла привлечь внимание людей, а то и полиции. Тем не менее Ликвидатор как мог отработал с джихадистами взаимодействие и прикрытие друг друга.

Они были пушечным мясом – в этом Ликвидатор не сомневался. Тем не менее он постарался дать им столько, сколько было возможно за короткий промежуток времени. Самое главное – если у тебя нет отработанных навыков, стреляй больше. У каждого из джихадистов было целых восемь снаряженных запасных магазинов, не считая того, что в автомате. Этого более чем достаточно. В свое время Ликвидатор учил отряды местной самообороны, которые должны были остановить орду джихадистов, и понял по опыту – неподготовленный человек в бою живет две-три минуты. Если он не умеет двигаться, перемещаться, не помнит о том, что надо менять позицию, – конец. Это только в кино пули летят куда угодно, только не в главного героя. В реальной жизни, если пули летят в тебя, они обычно попадают в цель.

Он пытался дать им главное: стрельба без продвижения вперед – отступление. Продвижение вперед без стрельбы – безумие. Их шанс на выживание – в большом количестве боеприпасов и автоматическом оружии. Поэтому продвигаться вперед надо тройками, плотно взаимодействуя между собой. Цели обстреливать согласованно. Как только ты видишь что-то подозрительное – выпускаешь короткую очередь, и то же самое делают твои товарищи. Три короткие очереди на одну цель – неплохой шанс.

Но все равно он был уверен, что они погибнут.

Сам он почти не тренировался, потому что на его уровне регулярные тренировки уже не имеют смысла, все нужное на уровне инстинктов. Он только думал, какие сюрпризы мог преподнести ему противник?

Зайдя в Интернет, Ликвидатор прочитал все, что возможно, о горе Сноудон и местности рядом с ней и даже скачал виртуальный трехмерный платный тур³⁴, заплатив за это деньги. Ему не понравилось то, что он увидел. Малолюдное место, горы, реки, еще и пещеры, бывшие горные разработки. Ликвидатор был умным и понял, что русский заманивает его в ловушку. На ту территорию, которую он явно знает сам.

Его плюсы – знание местности. Его минусы – он наверняка готов к встрече одного – максимум двоих человек. Но не восьми.

Интересно, сколько человек он взял с собой? Одного? Двоих? Может, десяток?

Ликвидатор не был европейцем, но он хорошо понимал стиль и мышление европейцев. Европейцы – в глубине души рыцари. Приверженцы честной игры. Один на один. В его народе так не было принято – они слишком плохо жили, слишком часто подвергались смертельной опасности, и потому в них жило другое – убей, если есть такая возможность. Убей и порадуйся тому, что убил своего врага, и больше он ничего не сможет сделать, не сможет ни убить тебя сам, ни родить и воспитать детей, которые это сделают. Мышление его народа не спускалось на уровень конкретных личностей – оно всегда охватывало такие понятия, как семья, род, народ или клан. Потому если в его народе начиналась усобица, то людей убивали целыми семьями. Мужчина убьет тебя, поэтому его надо убить. Женщина родит сына, который убьет тебя, или дочь, которая будет рожать врагов твоего рода, поэтому ее надо убить. Ребенок вырастет в

³⁴ Виртуальный трехмерный тур – дополненная реальность. Ты надеваешь очки и можешь ходить по городу или по какой-то достопримечательности – как в Google earth.

мужчину и воина, твоего врага, или женщину, которая станет матерью твоих врагов, поэтому его надо убить. Старик поможет воспитать настоящих воинов и настоящих женщин, его мудрость поможет роду и не даст забыть о долге – поэтому и его надо убить. Европейцы так никогда не думали.

И потому Ликвидатор был почти уверен, что с русским может быть максимум один человек. Боевая двойка. Как и он сам со своим напарником.

Но Ликвидатор никогда не действовал наобум, и потому он решил отказаться от своего присутствия в холмах. Нет, сэр. Он пошлет свою банду убийц, а следом за ними беспилотник и посмотрит, что произойдет. Если они убьют или ранят русского – он выйдет и закончит дело. Если русский убьет их всех – что более вероятно, – он увидит, сколько человек с русским, каким оружием они пользуются, какова их тактика, насколько русский сохраняет навыки и боеготовность бойца спецназа. В зависимости от этого он будет решать дальше, что делать. Возможно, он подстержет его дальше на дороге. Возможно, наберет еще одну команду моджахедов и даст им возможность стать шахидами на пути Аллаха, даже не выезжая за пределы старой доброй Англии. Они все говорят в форумах о своей «амалии», то есть усилиях, направленных на дестабилизацию и ваххабизацию страны, о том, как они мечтают стать шахидами на пути Аллаха. Он даст им такую возможность. Это лучше, чем погибнуть в разборке за рынок наркотиков, верно ведь?

Ликвидатор думал. Сидел в машине и размышлял. С молодым пополнением занимался его напарник, который служил в том же подразделении, что и он сам, и обладал достаточными навыками для подготовки новобранцев.

Как обычно, придется действовать осторожно. И по обстоятельствам.

Но Ликвидатор не мог отделаться от ощущения, что в этот раз все идет не так. Совсем не так, как должно идти...

– Хватит. Надо выдвигаться.

Несколько человек, в том числе и его напарник, вернулись к машинам. Ликвидатор привычно пересел назад, напарник сел за руль.

– Как они?

Напарник пожал плечами.

– Я задал тебе вопрос! – разозлился Ликвидатор впервые за очень долгое время. Он очень долго не злился и не разговаривал с напарником в таком тоне, его с детства учили сохранять выдержку и хладнокровие.

– Не так плохо, как я думал, – сказал напарник, – они раньше стреляли и участвовали в разборках. То есть в цель они попадут. Проблема в том, что они привыкли действовать в городах, а там нас ждет дикая местность.

– Других у нас все равно нет, – сказал Ликвидатор, – в сельской местности здесь одни англичане. Поехали...

«Рейнджровер» тронулся, перед ним, как обычно, летел беспилотник, чтобы предупредить о возможном полицейском посту.

Они остановили свою машину на окраине городка Долгело, неофициальной столицы местности в Северном Уэльсе, которая так и называлась – Сноудония. Городок был небольшим, мирным, история которого насчитывала много веков, совершенно не затронутым глобализацией. Небольшие, двух- и трехэтажные острокрышие дома, стены, заросшие малахитового цвета мхом, каменный мост через речку, которому насчитывалось бог знает сколько лет. Здесь, на севере, мусульмане почти не селились, они селились ближе к югу, в космополитизированных городах-портах. Там они вливались в общину, получали помощь от общины, часто бесплатное жилье от государства, там же начинали собственное маленькое дело – начиная от стирки белья и заканчивая торговлей наркотиками. В городах юга были целые районы, где не

встретить было белого лица, там процветали «исламские браки»³⁵, там подпольно торговали детьми, там встречалось такое понятие, как рабство³⁶, там были собственные отряды самообороны, там же похищали людей, там надо было искать посредников, если угнали дорогой автомобиль, или захватили корабль с грузом. А здесь ничего этого не было. Здесь почти не было супермаркетов, и все покупали мясо у мясника, а молоко у молочника. Здесь была пара маршрутов муниципального автобуса, и почему-то в автобусе были целы все стекла, а на обивке не было вырезано: «Нет Бога, кроме Аллаха». Здесь почти во всех домах туристу любезно сдадут комнату: на юге нужно было быть полным придурком, чтобы пустить в дом незнакомого человека. Здесь в городе нет ни следа от баррикад, нет брошенных и сожженных машин, и один район никогда не пойдет друг на друга войной. Здесь не процветают стекольщики и декораторы, у которых на юге после очередных массовых беспорядков всегда много работы. Наконец, здесь, прямо из города, потрясающей красоты виды. А если подняться на близлежащие горы и посмотреть вдаль – то тебе не захочется отсюда уезжать. Далекие горы, а между ними – долины, ряды деревьев, аккуратно высаженных и выращенных, защищают от ледяных ветров моря изумрудные квадратики полей. И – большей частью – здесь ни души, можно за день не встретить ни одного человека.

«Рейнджровер» остановился, а следом за ним – остановились «Ниссан» и «Ситировер». Несколько человек торопливо сошли с дороги, перелезли через каменный заборчик высотой ниже колена и зашли за деревья. Теперь их было не видно с дороги.

– Хвала Аллаху, милостивому и милосердному, Господу всех миров, – начал Ликвидатор, – что он ведет нас прямым путем. Хвала Аллаху, я уже чувствую запах джанната. Рай близок.

Кто-то из потенциальных шахидов попытался принюхаться – но ничего не почувствовал. Он чувствовал только запах свежести и чистый, не оскверненный выхлопными газами воздух. В городе такого не было.

– Хвала Аллаху, братья, сегодня нам предстоит покарать особенно матерого кафира. Этот кафир не просто наемник, который пытал и убивал наших братьев, который зверствовал в Дубае и Абу-Даби. Он – глава агентства наемников, которое поставляет наемников на Восток. И что хуже того – он русист и старший среди русистов. Он из тех, кто виновен в гибели десяти миллионов мусульман в адских муках...

³⁵ Весьма распространенное явление в Европе, когда один мужчина и несколько женщин сожительствуют в традиционной большой африканской или арабской семье, при этом законная жена только одна. Остальные получают пособие, как матери-одиночки, при этом часто у каждой такой женщины бывает по несколько детей, и пособия они получают еще и как многодетные матери. В целом на семью размер пособия может достигать в год миллиона евро.

³⁶ Рабство в новом мире было нормой.

Северный Уэльс. Гвинедд, недалеко от Долгелло. 19 июля 2037 года

Горы – это просто отлично, если их снимать, а не ходить по ним пешком.

Оставив машину, мы навьючили на себя снаряжение. Оно оказалось тяжелым – все-таки пулемет есть пулемет, да и снайперская винтовка, подозреваю, не легче. Особенно круто пришлось мне – рюкзак на сто десять литров оказался заполнен полностью, а кое-что пришлось приторочить сверху.

Поверх мы набросили накидки. Это теперь часть нового комплекта маскировочного снаряжения – тонкие, из сверхпрочного материала, они покрывают тебя с головой, при этом ты через них отлично видишь – они почти прозрачные. А вот тебя через них не видно, эти накидки визуальнo скрывают человеческую фигуру, и из-за их особенностей ты становишься похожим на тень, на привидение. Если это и не плащ-невидимка, то нечто близкое.

Основное оружие в руках мы не держали. Алекс взял пистолет-пулемет, а я – пистолет. Если нести в руках основное оружие – ты раньше времени перетруждаешь руки, плюс у тебя теряется эффект накидки. Пока что это мы охотимся, а не на нас.

Тяжесть была дикая...

Пулемет и семьсот патронов в лентах, не говоря о другом снаряжении, – это выглядит классно только на бумаге. На самом деле это дикая тяжесть. И еще дополнительное снаряжение...

Короче говоря, уже на первых милях пути я почувствовал, что переборщил с весом. То, что я мог поднять десять лет назад, я не мог поднять сегодня. Но признаться в этом я не мог. И даже не подчиненному – самому себе...

Пулемет я держал в руках. К нему у меня была примкнута «аварийная» лента, в которой было всего двадцать патронов. В коробе была полная лента (сто), но в пулемет она была не заправлена, ждала своего часа. При внезапном нападении я отстреляю короткую ленту, займу позицию, перезаряджу и только потом открою огонь. Этому приему меня научили еще во Внутренних войсках... потом сильно пригодилось во время боев в Южном Казахстане. Если заправить сотку – потом можно получить задержку при открытии огня из-за того, что патроны в ленте сместились. Пистолет – под правой рукой, но он мне пока не нужен.

– Помочь?

– Нет...

Надо тащить самому. Как бы хреново ни было...

Мы уходили в горы едва заметной тропой. Я шел первым, Алекс – следом, бросая небольшие, размером с теннисный мяч, видеокамеры. Они могли работать без внешней подзарядки до тридцати суток, их краска принимала цвет местности, на которую они были брошены³⁷, изображение передавалось на любой военный планшет. Нам надо было знать, когда кто-то пойдет за нами.

– Красиво...

Мне было не до красоты. Я думал, как мне выжить.

– Как насчет домика шахтера? Встретим их там.

– А почему бы и нет?

На самом деле дальше я идти просто не мог. По крайней мере без отдыха, а может, и просто не мог.

³⁷ Краска «хамелеон», разрабатывается уже сейчас.

Домик шахтера был одной из местных достопримечательностей, искусственных. Три небольших домика, что-то вроде огорода, небольшая заводь... вряд ли это можно было назвать прудом – скорее заводь, и речка тут не речка, а большой ручей. Их построили тогда, когда туристический маршрут привлекал туристов, на самом деле шахтеры на отшибе, конечно, не селились и жили совсем не так. Я все-таки попутешествовал по Уэльсу, некогда бывшему одним из центров мира, угольной столицей, где шахтеры рубили кардифф во славу Империи. Видел, как они жили... поверьте, это страшно, даже если брать время после Второй мировой. Потом Маргарет Тэтчер закрыла шахты, и регион опустел. Но меня интересовало только то, что дома были сложены на британский манер – низ из камней. Причем низ очень высокий, по пояс. Это могло послужить отличной огневой позицией.

Схема, в общем-то, была обычной – один привлекает внимание, другой охотится. Привлекаю внимание я со своим пулеметом – мощное и скорострельное оружие заставляет держаться на дистанции. Если я увижу их – то, скорее всего, открою огонь первым. Они откроют огонь в ответ – но пулемет есть пулемет, а каменный пояс и бронежилет дадут мне отличные шансы. У Алекса будет возможность и время, чтобы выбить остальных.

Расчет на то, что других дорог, кроме как тропа, по которой мы шли, в общем-то, и нет. Тот, кто идет не по тропе, во-первых, теряет во времени, а во-вторых сильно рискует, я уже говорил, гора изрыта, как швейцарский сыр. Сломаешь ногу в дыре или провалишься весь.

Хотя могут и напрямик пойти. Я говорю как человек, который знает местность и как коварна гора. А они могут и не знать.

Осталось выбрать позицию...

Осматривать помещения с пулеметом неудобно, поэтому я сменил пулемет на пистолет. Осторожно подобрался к первому... тихо. Внутри ничего не было, не было грязи, испражнений, как обычно бывает у нас, просто заброшенный и тихо умирающий домик. Пустой, даже мебели нет, только каменный очаг. Позиция не слишком хорошая, но сойдет как запасная. Я поместил камеру на крышу дома – и пошел к следующему дому...

О том, что там кто-то есть, я почему-то сразу понял. Как – не знаю, но понял. Можно было бросить дрона-разведчика в окно, но пулемет требовал двух рук. Начал смещаться вправо, услышал шум... увидел.

– Замри. Стреляю!

– Сэр, мы ничего плохого не делали...

Вот черт...

На ваххабита этот парень был так же похож, как я на балерину. Длинный, рыжий, вихрастый, одетый в местную джинсу – что-то среднее между джинсами и брезентом, как раз для работы в шахтах – он пытался помочь кому-то выбраться из домика через окно.

Лет шестнадцать...

– Сэр, мы...

– Заткнись. Еще кто-то есть?

...

– В сторону.

Парень отступил в сторону... так и есть. Прелестнейшая лукавая мордашка, какая только и может быть у девушки, не изуродованной современной контркультурной модой, андеграундом и прочей скверной. Как раз ей-то он и помогал эвакуироваться из дома.

– Так... как тебя зовут?

– Джек, сэр. Клянусь Богом, мы ничего не делали.

– Ага. Ты это моей бабушке расскажи³⁸.

³⁸ В английском языке такой поговорки нет.

- Бабушке, сэр?
- Ей самой... неважно. Ты откуда? Местный?
- Из Кардиффа, сэр.
- Ясно. А там места найти было нельзя?
- Кара...
- Она местная, так?

Молчание – знак согласия.

– Услуга за услугу, – я достал купюру в десять деноминированных фунтов, – ты кого-нибудь чужих в округе видел?

- Нет, сэр.
- А ты?
- Нет, сэр, – ответила девушка.

Я бросил банкноту парню.

– Вот и отлично. А увидишь – держись подальше. Понял?

Знать бы мне...

Тем временем боевики исламского джихада, проживающие в Уэльсе, – шли по тропе.

Это была банда... точнее, даже не так – это была стая крыс. Смертельно опасная в городе – именно своими крысиными повадками, а также ввиду общего количества крыс в городе, моментально собирающихся при необходимости. Но на природе, на открытой местности, в горах, где надо не ехать на угнанной машине, а топтать ножками – они были почти беспомощны. Они не знали, как прикрывать друг друга, они не знали, где самые опасные места и возможные огневые точки противника, они не могли ориентироваться в местности, где нет дорожных знаков и указателей. Но их было шестеро, у них были ножи, дробовики, автоматы, пистолеты, взрывчатка и, что самое главное, готовность все это немедленно применить и уверенность в собственной безнаказанности. Это многое значило в государстве, где необходимость подчиняться правилам вбивается в неокрепшие детские мозги еще с садика...

– Слышь... – сказал один из них.

– А?

– Мне не нравится этот хрен. Никакой он не правоверный.

– А кто тогда?

– По-моему, свинья³⁹.

– Ага. С какой стати свинье подписывать нас на мокруху?

– Свиньи разные бывают. Помнишь Абдаллу?

– Ага. И чо?

– Он пропал. Говорят, его тоже какие-то левые подписали...

– Его сомалийцы убрали. Он им дорогу перешел в торговле дурью.

– Ни фиги. Сомалийцы тут ни при чем, у них у самих люди пропадают. Базар был, свиньи начали на нас охоту. Может, он и нас решил сюда заманить и под молотки пустить.

– Ну, ты лох. А что ему мешало в городе нас замочить?

– Ты дурак? Если нас в нашем районе мочкануть, тут на районе такое начнется. А тут поехали и пропали, на фиг...

– Э, вы... – сказал Сулейман, – а ну, заткнулись там...

Бандиты заткнулись – но ненадолго.

– Тихо тут... – сказал один.

– Ага, как будто вымерло все. Помнишь – земля без людей.

– Это чо?

³⁹ Жаргонное название полицейских в мусульманских кварталах.

- Фильмец, который мы с торрента скачали.
- А... ерунда.
- Не, здесь красиво. Смотри, как хорошо.
- Ага. И что тут красивого. Жилья нет, ничо нет. Только туристы.
- Б... и туристов нет.
- Сказано – заткнитесь!

Бандиты заткнулись. И в этот момент – просто не повезло – тот из бандитов, что шел первым, у него как раз была военная подготовка, и он понимал, что головной дозор хоть как нужен, наткнулся на двоих подростков. Они не были осторожны, они обсуждали увиденного ими человека с оружием – и потому увидели группу боевиков в самый последний момент.

- О... – сказал говорливый боевик, – а вот и туристы...

- Твою мать...

Планшет был у меня, и на него я получал информацию с разведывательных дронов, которые я бросал по пути сюда с тем, чтобы появление убийц не было для меня неожиданностью. Как раз первый дрон и засек продвижение группы. Видно было хорошо, и увидев тех, кто шел по тропе, я удивленно выругался.

Во-первых, их было шестеро. Я никак не ожидал столько – троих максимум. Но шестеро. Во-вторых, – они были совершенно не теми, кого я ожидал увидеть. Я ожидал бывших армейских или полицейских спецов – в моем понимании проникнуть в дом и убить Настю мог только человек со специальной подготовкой. А это были откровенные молодые бандиты самого низкого пошиба, каких полно в дурных районах. И, судя по бородам и отсутствию усов, радикальные муслимы.

- Твари...

- Двойка, на связь, как слышишь?

- Слышу отлично...

– У нас шесть гостей, повторяю: шесть гостей. Судя по виду, отморозки из пригорода, бородатые...

- Принял.

– Идут по тропе, двое впереди, четверо за ним, дистанция около сотки. Вижу два «АК», один «MP5», остальные тоже вооружены, пока не вижу чем.

- Принял.

- Рюкзаков нет. Камуфляжа нет – обычная туристическая одежда.

- Принял.

- РВП – двадцать минут.

- Принял, – в четвертый раз подтвердил снайпер.

- Тот, что идет впереди, похоже, служил в армии, – добавил я, – отбой.

Интересные дела получаются – надо следить, не исключено, что эти голуби летят для отвлечения внимания. В сущности – с ними могу справиться и один я, пулеметом. Обычная городская банда, укрытий нет – занять позицию и перестрелять с дальнего расстояния. Другой вопрос: а не получу ли я пулю в лоб, когда отстреляюсь? Вполне может быть.

- Двойка, на связь.

- Принимаю.

- Работаю я один. Не проявляйся.

- Понял.

- Ищи снайпера. Найдешь – работай. Я разберусь с остальными.

- Понял.

Нас вынуждают проявиться.

- Выдвинься вперед. Наблюдай за местностью. Только очень осторожно.

– Принял, выдвигаюсь...

Интересно, тот, с кем мы имеем дело, – он снайпер? У него есть спецоборудование типа винтовок с тепловизорами или комбинированными прицелами с автоматической настройкой? Он умеет им пользоваться? В принципе, зарезать ножом может любой. Но нож – излюбленное оружие многих снайперов для ближнего боя. И проникать на защищенные территории – это тоже обязательное умение снайпера.

Так снайпер он или нет? Может, он из бородатых – там тоже есть неплохие киллеры, в основном из числа бывших бойцов арабских спецназов и Мухабарратов⁴⁰. Как он сумел найти общий язык с этими отморозками? Я бы не рискнул. Если просто прийти в мусульманский район и предложить деньги – деньги заберут, тебя зарежут, тело выкинут на свалку. Скорее всего, он сам мусульманин – а мусульмане любят орудовать ножом. Но у него должно быть что-то еще. Что? «АК»? Пулемет? Снайперская винтовка «Барретт»...

– Двойка, позицию занял. В секторе – чисто.

– Принял, я выдвигаюсь.

Ну... оцым-поцым⁴¹... поехали. Рюкзак на спину и вперед. Надо было бы экзоскелет надеть, да не люблю я их. Хотя с ним можно и крупнокалиберный пулемет тащить.

Бегом – на тропу и с нее – вверх, на гору, чтобы занять позицию выше тропы. Самое главное – не упасть, поломаешься. А трава – хреновая, скользкая.

– Занял позицию...

Достал планшет, вызвал картинку со всех четырех дронов. На третьем моим глазам предстало такое, отчего я даже... даже не поверил своим глазам. А потом проклял себя и свою непредусмотрительность и глупость...

– Двойка, у нас пожар. Мы выдвигаемся...

Насиловать – для них было нормально.

В их обществе женщина была говорящим куском мяса, она должна была готовить еду, рожать детей, удовлетворять похоть мужа. Сама она никаких прав не имела, даже верить в Аллаха и поклоняться ему она не имела права, только вместе с мужем. Муж не обязан был работать и обеспечивать семью и часто жил за счет жены, и это считалось нормально. Надо сказать, что женщины-мусульманки гораздо лучше адаптировались к жизни в британском и любом другом цивилизованном обществе, они учили язык, заканчивали учебное заведение, интегрировались в общество и начинали жить нормальной жизнью. Некоторым удавалось полностью вырваться из душного мирка эмигрантской общины и полностью порвать со всем – с семьей, прошлым, родом. Такие женщины отнюдь не считали окружающих кяфирами, они были благодарны им за то, что вырвались из общинного мусульманского ада. Были женщины, которые не рвали со всем с этим, но успешно занимались бизнесом, были те, которые владели отелями, сетями парикмахерских, заправочными станциями, булочными и другими бизнесами. При этом их мужья лежали на диване, целыми днями пялились в телевизор или сидели в едальнях, в курильнях, в мадафе при мечети – а то у них хватало ума уехать куда-нибудь и встать на джихад. Такая жизнь – жизнь трутней, жизнь за счет женщин – считалась среди мусульманских мужчин Британии нормальной⁴². Если женщины смирились с тем, что у них на шее сидит трутень, и часто не только сидит, но и самоутверждается за ее счет, все было нормально. Если женщина пыталась что-то изменить – она встречалась с молчаливым осуждением общины, проклятьями со стороны семьи мужа. Дальше – в зависимости от степени

⁴⁰ Контрразведки.

⁴¹ Одесское выражение, обозначающее «некстати, вдруг».

⁴² Надо сказать, что это в корне противоречит представлениям традиционного ислама.

накала страстей – могло дойти и до убийства. Такие убийства часто оставались нераскрытыми – люди врал и не давали показаний полиции.

Но у женщины в общине было одно преимущество – ее никто не смел тронуть, кроме ее мужа, а до замужества – членов его семьи. Изнасилование, убийство влекло за собой кровную месть и резню, могли начать убивать, даже если преступник пойман и наказан по закону – закона для ваххабитов не существовало. Именно страхом кровной мести сдерживалось насилие по отношению к женщинам в исламском мире.

А вот женщины, которые не принадлежат к исламу, носили общее название «кафира» и были как бы общей собственностью мусульман. Любой правоверный мог ее избить, изнасиловать, отобрать сумочку, ударить. Местные священнослужители, если и не оправдывали такое, то говорили о том, что жертвы сами виноваты, что они своей одеждой и своим распутным видом провоцируют молодых мусульман на насилие в отношении себя. В исламском мире считалось, что возраст для брака должен составлять не менее девяти лет – и потому там, где были мусульманские общины, процветала педофилия. Полиция была завалена делами об изнасилованиях, которые совершали тринадцатилетние, двенадцатилетние, одиннадцатилетние, даже десятилетние. Имеющие перед глазами пример старшего брата и его друзей, совершаемых ими преступлений, даже подбадриваемые своими старшими братьями (тебя еще нельзя судить, ты еще несовершеннолетний, тебе все можно), они выходили, насиловали своих сверстниц, порой и убивали, у них были пистолеты, часто мусульманская община использовала несовершеннолетних как наемных киллеров. Насилию и безнаказанности они учились с детства – пропитанная насквозь толерантностью полиция ничего не предпринимала, мусульманские общины, сплоченные, проталкивали своих людей в городские советы, в мэрии, в полицию. И лишь немногочисленные британские ультраправые, чаще всего бывшие или действующие футбольные хулиганы, как-то противостояли всему этому беспределу и безумию. Но их было слишком, трагически мало...

Аллаху Акбар!

Первым на них выскочил парень, а за ним – была и девчонка. Они были слишком поглощены друг другом, своими мыслями и неопытны, чтобы вовремя заметить опасность. Тут еще сыграло свою роль и то, что пацан уже видел человека с автоматическим оружием – и тот ему ничего не сделал...

– Привет... – машинально сказал он.

Боевик шедший впереди, бывший военный улыбнулся ему.

– Привет.

– А вы кто?

– Мы тут друга потеряли...

– Он там. А эти...

– Они с нами.

Мусульманский боевик внезапно ударил парня в пах, а потом в лицо. Но он каким-то чудом устоял на ногах и даже ударил в ответ. Девчонка завизжала, попыталась вцепиться – и боевик ударил и отпихнул ее.

– Не трогай ее!

Боевик ударил парня стволом автомата, затем – прикладом. Тот упал, девчонка могла бы убежать... может быть, но не захотела. Подбежали и остальные боевики.

– Белая с. а!

– Спокойно...

Поскольку боевики не привыкли сдерживать своих желаний и инстинктов – вели они себя как обычно. Один обламывал – бил в живот и по лицу. Другой – уже расстегивал штаны.

– Я первый!

– Что происходит, на хрен!

Сулейман попытался навести порядок – но не смог, так как это просто бесполезно. Он – амир, но только пока устраивает всех.

К нему подошел шедший первым Ибрагим, он отслужил в британской армии. Это, кстати, подавали как большое достижение, про него даже сняли небольшой пропагандистский ролик – молодые британские мусульмане вступают в Армию Его Величества, а не едут на джихад в Шам или куда еще. Воистину – Аллах закрыл кяфирам глаза, они даже и не подумали, что мусульманские общины отправляют своих детей в армию, чтобы те там получили армейскую и специальную подготовку и потом поделились знаниями с остальными.

– Эфенди, этот кяфир сказал, что там впереди люди с оружием.

– Тащи его сюда...

Ибрагим подхватил потерявшего сознание пацана и потащил в сторону. Кто-то пошутил:

– Эй, брат, тема не та. Белые задницы хороши только на крытке.

Они оттащили его в сторону и связали.

– Приведи его в себя.

Ибрагим так и сделал. Тогда амир достал нож и начал отрезать палец...

Ликвидатор и не подумал идти следом.

Он не намеревался помогать тем, кого послал убивать. Он намеревался просчитать точку выхода противника и нанести удар тогда, когда он будет думать, что все кончено. Его стандартная схема, которую он не раз применял в прошлом.

Вариантов было два. Все зависело от того, сможет ли цель тихо убрать боевиков исламского джихада и остаться незамеченной. Местность малолюдная, и если цель уберет боевиков тихо – вряд ли она пойдет в полицию. Значит, дело сделает верный В&Т. Несколько почти бесшумных выстрелов из машины – и ходу. Такие преступления почти никогда не раскрываются.

Второй вариант – если понаедет полиция.

В этом случае придется следовать за целью и убрать ее потом. В конце концов, полицейские вряд ли задержат цель надолго. Он может и подождать, денег за работу он взял достаточно, чтобы заниматься охотой вдумчиво и неторопливо. Наконец, если произойдет такое, что цель будет задержана, надо будет убирать ее в тюрьме или при перевозке. Скорее всего, при перевозке. Надо будет купить сотен пять фунтов взрывчатки и заминировать машину. Или достать реактивный гранатомет и расстрелять полицейский броневик. Но не хотелось бы. Погибнут полицейские – а он этого не хотел. Незачем это.

Через «БПЛА» он раздраженно наблюдал за тем, как эти отморозки в очередь насилуют какую-то туристку, которая им попалась. Если бы дело было в тех местах, где он воевал, он знал амиров, которые приказали бы за это расстрелять. Джихад есть джихад, и если кто-то, идя по пути джихада, преследуя врага, останавливается, чтобы изнасиловать первую попавшуюся белую суку, какие они моджахеды? Какие они мусульмане?

Смешно... если кяфир убьет их, они станут шахидами и им все простится. Хотя... какие они шакиды?

На войне все перевернуто.

И тут он увидел кяфира. Увидел с барражирующего над местностью дрона. И понял, что он накосячил, не пойдя следом за этими отморозками. Так у него был бы шанс закончить это дело разом, одним выстрелом. Да только кто все это знал...

Капитан британского спецназа ВМФ Майк Манус сейчас был в гражданском. Джинсы, прочные ботинки-докеры и кожаная куртка с капюшоном – типичный прикид городских бандитов, которые не хотели бы, чтобы их лицо засняла камера наружного наблюдения. Под курткой был легкий, но прочный бронежилет, выдерживающий все пистолетные пули и многие из

автоматных. За поясом у него был «Кольт», а справа под мышкой – кобура для «Медоеда»⁴³ – отличное оружие для уличного боя, с магазином на двадцать патронов его можно носить в кобуре.

Автомат лежал на сиденье неприметного хетчбэка «Стирлинг»⁴⁴, одного из многих колесящих по дорогам Британии, глубокого синего «королевского» цвета. Три запасных магазина были вложены в пластиковые держатели на поясе. С другой стороны – были пистолет, небольшой дрон-разведчик в подсумке – админке и светошумовая граната.

Капитан аккуратно припарковал машину, пристроил в кобуру автомат, вышел, хлопнул дверью и неспешно направился в магазин TESCO. Магазин явно знал и лучшие дни – наскоро оклеенные строительной пленкой стены, бельма витрин.

Плохо...

В магазине пахло продуктами, он любил этот запах, потому что был из самых низов и часто недоедал в детстве. Он отмахнулся от голографического сопровождающего, предложившего ему «шопинг-экскурсию по магазину и всю возможную помощь», и мрачно подумал, что на это место можно было бы поставить не голограмму, а одного из тех безработных, которых в стране полно. Но нет. Толпам безработных платится пособие, зато в магазинах стоят эти гребаные голограммы в виде актеров популярных сериалов и спрашивают, могу ли я вам чем-то помочь, сэр?

Увы... голограмма, ничем.

Он прошел дальше, к витринам... магазин был полупустой, но практически полное отсутствие HR – человеческих ресурсов, человеческого персонала и выкупленная торговая недвижимость – позволяли поддерживать его работу практически и без покупателей. Логистические фирмы сортировали товар на своих складах, сюда привозили уже скомплектованными заказами. Большая часть траков сейчас тоже беспилотная – но здесь наверняка все же пилотируемая – это тебе не двадцать пятая дорога и не улицы Лондона. Роботы выкладывают товар, а на части витрин выкладка и вовсе происходит автоматическая, прямо со склада. Видеокамеры – над каждой полкой, система анализирует уходимость товара, принимает решение о пополнении полок и о размере будущего заказа. Большая часть товара – это либо вакуумная упаковка, либо глубокая заморозка, либо еще что, овощи – вообще в криогенных порошках⁴⁵, так дешевле. Конечно, это не Лондон, где можно все свежее купить, – тут и денег-то у людей нет на покупку свежего. Ты набираешь товары в одноразовый, радиопрозрачный пакет, потом идешь на кассу – выкладывать ничего не надо, система сканирует пакет целиком, там RFID-метки. Расплачиваешься карточкой или наличными – автомат принимает, хотя наличные сейчас есть мало у кого – закон о борьбе с терроризмом, однако. В принципе можно попытаться и украсть чего-то, но только система сфотографирует тебя, направит фото в полицию и в собственную базу данных. Следующий раз двери магазина для тебя уже не откроются...

Впрочем, капитан знал, что при кражах до трех новых фунтов система в полицию не сообщает. Оформление этого дела потом выходит себе дороже, а торгаши умеют считать свои деньги...

Капитан, как обычно перед боем, ничего не ел и был голоден. Для вида он положил в пакет маленькую бутылку воды «Харроугейт», подумал, что надо бы купить зубную пасту – у него, кажется, закончилась, – и столкнулся с Недом Хасаном, одним из своих подчиненных и сослуживцев. Тот был одет в костюм клининговой компании и выглядел как обычный работяга.

⁴³ AAC Honey Badger – отличная винтовка под патрон «300 Blackout», сильно недооцененная.

⁴⁴ Новая марка, создана наследниками сэра Ричарда Бренсона и группой инженеров GM, бежавших из США в связи с началом войны.

⁴⁵ Усовершенствованный вариант технологии, которая есть уже сейчас. Овощи подвергают шоковой заморозке, затем превращают в порошок. Есть целиком такое, конечно же, не будешь, но в суп, во вторые блюда – пойдет, тем более что при такой обработке витамины и все ценное сохраняется.

- Салам... – не растерялся он.
- Где ты взял это тряпье? – проворчал капитан.
- Поговорил с копами, они задержали фургон на трассе. Бычара и Сонг – там, в машине.
- А где владелец этого костюма?
- Разговаривает с полицией. Пытается доказать, что он не Абу хрен какой-то там, который находится в розыске по пятому статуту. Хочу воды взять, перед тем как лезть на крышу.
- Давай быстрее. Скажи Сонгу – пусть не высовывается.
- Есть, сэр.
- Капитан достал рацию.
- Д-четыре, где ты?
- Ищу позицию. Десять минут.
- Принял. Сонг, Бычара и Салам – со мной.
- Да, сэр.
- Смотри, не подстрели Салама. Он в рабочем комбинезоне зеленого цвета.
- Принял.

Как я тогда бежал...

Я полный придурок, я это знаю. То, что делал я, я не должен был делать. Мир жесток, а в последнее время – он беспредельно жесток. Правительство Его Величества не предприняло достаточных мер для того, чтобы защитить этих детей. Оно не депортировало всю эту гомонливую мразь туда, где им самое место, – в Халифат или еще хлеще – в Зону заражения. А что? Пусть заселяют радиоактивные, мать их, пустоши, пусть распаивают покрывную коркой стекла землю, пусть выращивают радиоактивные огурцы на брезентовом поле, твою мать. Они никогда не стремились вжиться в британское общество, они жили по принципу «мы вас ненавидим, а вы нам должны». Так пусть и отваливают отсюда к чертовой матери! Для чего в обществе нужны типы, которые не работают годами и явно криминально активны – пусть это и не доказать?

И я должен был плюнуть на то, что творят эти бородатые ублюдки, спокойно дожидаться их и расстрелять из пулемета, восстановив справедливость.

Но я не мог.

Может, я стал слишком старым. Может, еще что. Но та девчонка внешне походила на Стейси... даже не внешне... лукавым выражением глаз... у Стейси всегда было такое, когда она радовалась чему-то. И я решил, что что-то смогу изменить.

Пулеметом.

Рюкзак я бросил. При себе оставил только то, что на поясе, – два подсумка с запасными коробами и пистолет. Еще тот короб, что со мной. Не так плохо – но я выругал себя за то, что не купил двойной рюкзак. Мне это всегда казалось лишним – рюкзак, состоящий из двух половинок, одна часть – патрульный, на двадцать пять литров, к нему пристегивается еще один, на тридцать, на пятьдесят или на восемьдесят литров. Мне такие рюкзаки казались менее удобными – а напрасно...

Кару насильовали вдвоем, еще трое ждали своей очереди. Торопились – им надо было закончить побыстрее и пойти дальше, но пройти мимо и не надругаться они не могли, такая была их натура. Они сами часто говорили, что делают это, потому что все белые женщины – проститутки, но на самом деле это было не так. Они делали это, потому что хотели утвердить себя как хозяев на этой земле, и чтобы все признали их как хозяев. Насилуя, они прививали все новым и новым «белым сукам» страх перед новыми хозяевами этой земли, потому что знали – если они не сделают это, то родятся новые хозяева, и пулей и кнудом покажут им их действительное место...

Тем временем амир и Ибрагим допрашивали пацана. Для начала – амир, ничего не спрашивая, отрезал у кяфира палец. Этому приему научил его брат, который сгинул где-то на джихаде против кяфиров. Он говорил, что мусульман мало, их меньше, чем европейцев, и они слабее вооружены. А потому мусульмане должны проявлять дикую жестокость, чтобы парализовать европейцев и лишить их способности к сопротивлению. Мусульмане должны показать, что они безумны и жестоки, и нет никакого пути, кроме удовлетворения их требований. Как любил говорить брат, не бывает половины победы, победа – это когда у тебя все, а у врага ничего. Только такая победа может считаться настоящей победой.

Ибрагим остановил кровь, хлещущую из пальца. Пацан находился в состоянии шока, и потому он начал хлестать его по щекам, чтобы тот мог отвечать. Когда пацан пришел в себя, Ибрагим начал допрашивать. Техника допроса тоже была особой – надо было задавать один и тот же простой вопрос без перерыва, пока не получишь ответ.

– Где ты видел человека с оружием? Где ты видел человека с оружием? Где ты видел человека с оружием?..

– Там...

– Где ты видел человека с оружием?

– У домиков шахтера... шахтера...

Пацан начал отвечать – это хорошо. Сейчас у него зарождается стокгольмский синдром – и его уже не надо бить, он ответит на все вопросы. Если бы его бить и спрашивать – он только ожесточился бы...

– Сколько было людей с оружием? Сколько было людей с оружием?

– Один... один, сэр.

Молодой британец находился в состоянии шока... ему было плевать на то, что в двух метрах от него насилуют его девушку, плевать на то, что перед ним враги... плевать на все. Увы... современный мир воспитывает толерантность, а не способность сопротивляться. Сто лет назад его почти что сверстника, девятнадцатилетнего субалтерн-лейтенанта двенадцатой индийской пехотной бригады Джереми Росс-Эккарт Колвилла, взяли в плен японцы. Они привязали его и использовали для отработки приемов штыкового боя. Лейтенант сохранил бодрость духа до самого конца и насмешливо комментировал каждый удар, пока одиннадцатый не оказался для него смертельным. Да... раньше англичане были другие... и свою землю бородастой, воняющей потом и кровью орде они не отдали бы...

– Какое у него было оружие...

Ответ пришел сразу и оказался совсем не таким, как они его представляли. Первыми они услышали не выстрелы... просто свист пуль, и двое, один из них поднялся и, довольный, застегивал штаны, еще один их расстегивал в предвкушении, повалились в разные стороны как уроненные мешки, почти беззвучно и безжизненно. Только потом – пули были сверхзвуковыми – до них донесся глухой, ровный стук пулеметной очереди.

Ибрагим все понял первым – в конце концов, он служил в армии и знал, что такое пулеметный огонь. Он прыгнул за валун и замер. А вот амир не был так ловок и проворен – новая пулеметная очередь прошла чуть левее, пули визгнули по камню, взрыли землю – а одна из них ударила амиру в ногу, в районе щиколотки, раздробив начисто кость и едва не оторвав ногу. Амир, до этого не боявшийся крови, сел на землю и замер, тупо смотря на разбитую ногу и бьющую ручьем кровь. Ибрагим попытался затащить его за валун или хотя бы заставить залечь, но эвакуационной петли на одежде не было, а амир совершенно не понимал, что происходит, он был в шоке. Пулеметчик по точке попадания скорректировал прицел и дал новую, короткую очередь. Как минимум одна пуля попала в голову – Ибрагима обрызгало кровью и мозгами, он залег за валун и замер, думая о том, в какую мясную они попали и что теперь делать. Этот хрен... он ему сразу не понравился. Он не сказал, что у кяфира – пулемет.

Он прикинул – из шестерых трое мертвы или тяжело ранены. С его автоматом против опытного и вооруженного пулеметом человека много не навоюешь. Он вспомнил курс молодого бойца – для подавления огневого расчета пулемета противника выделяется команда как минимум из пяти бойцов.

Был еще один... кажется.

– Али, не вставай...

– Аллах... Аллах...

– Али, не вставай!!!

– О, Аллах...

Еще один выстрел, на сей раз – одиночный и несколько в другой тональности. Снайпер!

– Али! Али!

Прицел на пулемете у меня был простой «ACOG6X», даже без автоматического расчета угловой поправки. И из пулемета я последний раз стрелял месяцев шесть назад. Но промахнуться я просто не мог. Не имел права.

Я был пулеметчиком. Во время войны – мы собирали все пулеметы, какие только могли, свои, трофейные, практически во всех отделениях и группах – было по четыре-пять пулеметчиков. Пулемет был незаменим, когда бородатые твари, обдолбавшись дурью, катили на нас волнами, атакуя раз за разом, пока были силы. Пулемет нужен был всегда. Нужен был, если приходилось воевать в городе – пулеметная пуля пробивала большинство стен и останавливала машины. Нужен был для прикрытия – а в той войне для любых действий нужно было очень серьезное прикрытие...

Пристреливаться некогда, и возможности нет. Первая цель – ростовые фигуры, метров семьсот до них. Дальше будет сложнее...

Прицел обнулен на шестьсот метров – учитывая баллистику этого патрона, на этой дистанции для попадания примерно на уровне шея-голова надо целить по коленям. Хорошо, что ветра особого нет – он, точнее, есть, но в лицо, поэтому его можно не принимать в расчет...

Дожал спуск – пулемет застрочил, ровно ведя строчку. Я не отпускал спуск, пока не разматал всех, кто стоял, затем перенес огонь левее – и двумя очередями накрыл еще как минимум одного. Это уже хорошо, это гут...

– Двойка, занял позицию.

– О'кей, вопрос: что наблюдаешь?

– Наблюдаю муслика, могу убрать.

– Работай.

Щелчок выстрела.

– На минус.

– Доложи, что видишь.

– Сейчас... – у снайпера был и прицел лучше, и обзор. – Наблюдаю пять пораженных целей, ни один не двигается.

– Валун наблюдаешь?

– Так точно.

– За валуном могут быть цели.

– Не наблюдаю.

– Перемещайся на другую позицию. Я держу цель.

– Принял, выдвигаюсь...

Еще один снайпер, в отличие от Салама вооруженный винтовкой «SC Thunderbolt 127» калибра 50 BMG, остановил свой внедорожник на взгорке – в его задачу входила изоляция места проведения операции и остановка машины противника, если тому удастся прорваться на

трассу. Внутри обозначенной зоны проведения операции он не должен был стрелять – можно задеть кого-то из своих или гражданского. И ту и другую задачу он мог решить с блеском – его винтовка давала минутную кучность до тысячи четырехсот метров. Проблема была в выборе позиции – но кажется, он ее нашел правильно.

Молчаливый полицейский констебль остановил «Лендрровер» на взгорке, и снайпер начал готовить площадку для выстрела.

– Ублюдки...

Это слово, произнесенное Ликвидатором, заставило сидевшего за рулем напарника недоуменно посмотреть на него. Обычно Ликвидатор никак не комментировал происходящее. То, что он счел нужным так высказаться, говорило о его душевном смятении.

– Все нормально?

Сам напарник тоже был молчаливым, второй номер обязан был подстраиваться под первого, да их и подбирали-то с психологической совместимостью. Но раз Ликвидатор высказался – говорить разрешалось и ему.

– Да...

Гребаные придурки! Это надо было додуматься сотворить такое!

Но еще больше Ликвидатора насторожило наличие у цели пулемета и наличие второго стрелка-снайпера. Это могло значить только одно – их ждали. Теперь их – два на два, и на их стороне – пулемет и снайперская винтовка.

Ликвидатор принял решение уезжать. В другой раз. Он никогда не лез на рожон, не верил в случайности и помнил, что настоящий мастер всегда бьет внезапно. Если у него рождались подозрения или опасения, он всегда отступал, чтобы попробовать в другой раз и другим способом. Он никогда не изменял своим правилам – и сегодня он им тоже не изменит. В конце концов – он должен оставаться живым, чтобы выполнить задание.

Но прежде всего надо было вернуть дрон. Дрон и аппаратура управления стоили дорого, а армейский дрон, такой, как у него, и достать было сложно. Надо вернуть дрон, после чего сваливать отсюда...

Пока дрон летел назад – он размышлял, что делать дальше. Надо купить взрывчатку. Ну его на хрен, все эти долгие игры в поддавки. Не до красоты. Несколько сотен фунтов взрывчатки, заложенные в машину, разнесут цель на куски без вариантов. То, что вместе с целью отправятся к Аллаху еще несколько десятков кяфиров, – это даже хорошо, это есть акт джихада. Давненько что-то тут не взрывали по-настоящему...

Дрон летел... и то, что на мгновение показала его видеокамера, было таким, что у Ликвидатора волосы поднялись дыбом, а за шиворот – как будто сунули колотого льда. Он понял, что его перехитрили, что он на крючке и действовать надо быстро и неожиданно, пока у него есть хоть какие-то шансы.

Не говоря ни слова – машину могли слушать, лазерным лучом или через такого же, как у него самого дрона, – он переключил коробку передач на драйв, вывернул руль и крикнул на родном ему ханском.

– Вперед!

Напарник – хоть это и было для него полной неожиданностью – послушно, как живой робот-автомат, нажал на газ, и бронированный «Рейнджровер» – ринулся вперед. Витрина... стена быстро приближались...

– Твою же мать!

Капитан Манус занимал позицию в кастомер-зоне, увидев, как резко рванул с места двухтонный джип, он выхватил пистолет и выстрелил, но для машины это было как слону дробины. Стекло под пулями не разлеталось, только белело трещинами, машина продолжала

разгоняться. Поняв, что сейчас будет, капитан Манус прекратил огонь и бросился назад. Он сиганул через кэш-зону (кассовую зону) и покатился по полу в тот момент, когда нос «Рейнджровера» вынес входную группу и машина с диким грохотом проломилась внутрь, подобно разъяренному носорогу.

Влипли...

Он перекатился еще раз, потом спрятался за полками. Пистолет, в котором еще что-то было, он сунул в кобуру и обратным движением выхватил «Медоед». Дернул приклад, приводя его в рабочее положение, – в этот момент спереди оглушительно громыхнуло, просверкнуло вспышкой. «Светошумовая», – догадался он.

Поскольку таиться смысла не было – он дал длинную очередь и на четвереньках пополз в глубь магазина, меняя позицию.

За спиной, в проходе, он почувствовал движение, развернулся... идиотская голограмма – этот урод шел по полу и как заведенный повторял: «Я могу вам чем-либо помочь...»

Чтоб тебя...

Он выстрелил в фонари, пытаясь вызвать замыкание, и в этот момент словно мозг разорвался в его голове. Он упал, чувствуя, как пахнет озоном и какой-то дрянью⁴⁶.

О чем я думал в тот момент...

Я думал о многом... О важном думал. О том, что мы собой представляем – кто мы есть, господа. Кто мы есть и – главное – кем себя возомнили, если по нашим городам, по нашей земле ходят такие вот шакалы.

Хозяевами возомнили? Ну-ну...

Я думал о других детях. Преданных собственными правительствами и, что самое главное, преданных обществами. Обществами, которые не просто пустили на свою землю чужаков, но и платили им пособия – дань! Обществами, которые испытывали чувство вины перед злобными дикарями, но при этом не испытывали чувство вины перед своими детьми. Общества, которые поколение за поколением растили беспомощных, не способных драться за себя и за свое людей. Общества, где владение оружием приравнивалось к преступлению. Общество, где детей учили припадении принимать позу эмбриона. Общество, где...

Кому я говорю? О чем? И главное – зачем...

Толка – нет. Слова – пусты. Все – бессмысленно.

*Вы точите металл мечей,
Вы кричите огонь речей,
Вы целуйте иконостас —
Только их уже больше вас⁴⁷.*

Эти дети... они уже были достаточно взрослыми, чтобы заниматься сексом, но при этом они ничего не смогли поделать, когда встретили отмороженных подонков ненамного старше их. И если бы не было меня – они так бы и остались...

⁴⁶ По описанию похоже на воздействие парализующей гранаты, иногда ее называли «болевой». Схема действия такова: граната выпускает специальный аэрозоль, затем находящийся внутри нее аккумулятор дает один или несколько электроразрядов, которые передаются как раз посредством аэрозоли и вызывают сильнейшую боль, шок и растерянность. Существовали также пистолеты-болевики, со схожим принципом воздействия – только газ выпускался направленной струей вперед, до нескольких метров. Все это оружие было разработано во время больших массовых беспорядков в развитых странах десятых и двадцатых годов двадцать первого века.

⁴⁷ Мирослав Мурысин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.